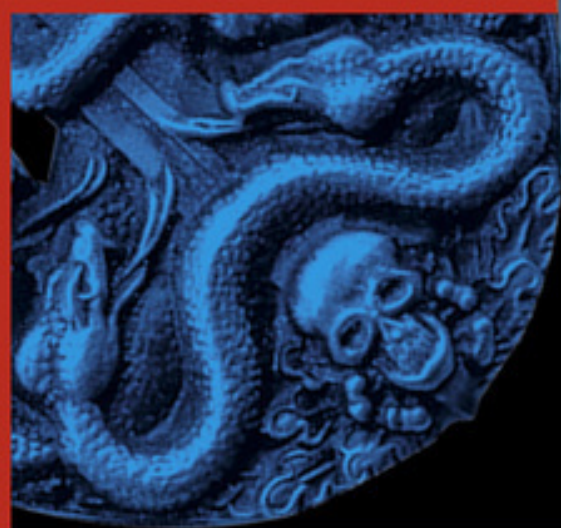

ОТТО СКОРЦЕНИ

ДИВЕРСАНТ

№1

**ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ
ГИТЛЕРОВСКОГО СПЕЦНАЗА**

Спецназ Гитлера

Виталий Чернявский

**Отто Скорцени – диверсант
№1. Взлет и падение
гитлеровского спецназа**

«Яуза»

2013

Чернявский В. Г.

Отто Скорцени – диверсант №1. Взлет и падение гитлеровского спецназа / В. Г. Чернявский — «Яуза», 2013 — (Спецназ Гитлера)

Его величают "Диверсантом № 1", "создателем гитлеровского спецназа", "гордостью Рейха", "героем СС" и "любимцем фюрера". Его мемуары остаются в списках бестселлеров вот уже более полувека. О его "подвигах" слагают легенды. Кроме прославленных спецопераций по освобождению Муссолини и срыву сепаратных переговоров венгерского регента с Союзниками, которые вошли во все учебники сил особого назначения, оберштурмбанфюреру СС Отто Скорцени приписывают еще и участие в охоте на Иосипа Броз Тито и генерала Эйзенхауэра, и масштабную операцию по заброске за линию фронта более 2000 переодетых немецких диверсантов перед контрнаступлением в Арденнах, и убийство знаменитого музыканта Глена Миллера, и создание после войны сверхсекретной подпольной организации бывших нацистов ODESSA, но главное – попытку покушения на Сталина, Черчилля и Рузвельта во время Тегеранской конференции 1943 года (операция "Длинный прыжок"). Что в этой информации правда, а что – всего лишь домыслы и мифы? Заслужил ли этот двухметровый гигант с эффектными шрамами на лице и Рыцарским крестом Железного креста с дубовыми листьями свои лавры "лучшего диверсанта всех времен и народов" – или его следует считать просто "удачливым террористом" и "гением самопиара"? Почему в своих знаменитых мемуарах ни сам Скорцени, ни его шеф Шелленберг не обмолвились об операции "Длинный прыжок" ни единым словом? И о чем еще умолчали нацистские преступники?.. В этой книге лучшая переводная биография "Человека со шрамами" дополнена аналитическими материалами отечественных историков спецслужб.

© Чернявский В. Г., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Сталин и Скорцени без «Длинного прыжка»	6
Коренной свидетель	7
Хитрый ход	10
Что реально угрожало «Большой тройке»?	12
Мнимые подвиги «героя рейха»	15
Ликвидация немецко-фашистского подполья	19
Психическая атака на президента	21
Отто Скорцени и диверсанты третьего рейха	24
Черный Циклоп совершает побег	26
«Тотальная война» объявлена – час Скорцени пробил	27
Человек со шрамами получает задание «Совершенно секретно»	27
«Совершенно секретно»	28
Начало карьеры террориста	30
Директивы из имперской канцелярии выполнены	32
Скорцени дебютирует	33
Операция «Красный петух»	35
Письмо бывшего Федерального канцлера Австрии Курта Шушнига автору книги	36
Под эмблемой «Мертвой головы»	38
Танковые клинья рассекают Европу	38
Скорцени спасает свою шкуру	39
Акционерное общество убийц	40
Школа диверсантов и убийц	40
Убийство как учебный предмет	40
Поточное производство фальшивых денег	42
Муссолини свергнут	44
«Mani in alto!»[17]	45
Большая шумиха	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Виталий Чернявский, Юлиус Мадер, Сергей Чуев Отто Скорцени – диверсант №1 Взлет и падение гитлеровского спецназа Сталин и Скорцени без «Длинного прыжка»

Об оберштурмбаннфюрере (подполковнике) СС Отто Скорцени исписаны горы бумаги. Почти двухметровый эсэсовский верзила, спаситель итальянского дуче Бенито Муссолини, арестованного после государственного переворота 1943 года в Италии своими противниками и заключенного в специальную тюрьму в отрогах Альп, стал в мгновение ока «героем великогерманского рейха». В течение года он был дважды удостоен высших военных наград гитлеровской Германии – Рыцарским крестом Железного креста за освобождение пленного «вождя итальянского народа» (сентябрь 1943 года) и Рыцарским крестом Железного креста с дубовыми листьями за похищение венгерского диктатора адмирала Миклоша Хорти, вступившего в тайные переговоры с западными союзниками о возможном переходе на их сторону (октябрь 1944 года).

Я не собираюсь что-то поправлять у моего друга и коллеги Юлиуса Мадера, написавшего прекрасную документальную повесть об Отто Скорцени. Меня заинтересовало другое. Почему в фундированной книге Ю. Мадера «Человек со шрамами на лице» автор ни единым словом не обмолвился об участии О. Скорцени в спланированной германскими спецслужбами операции «Длинный прыжок» – покушении на Иосифа Сталина, Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля во время Тегеранской конференции лидеров антигитлеровской коалиции (28.11. – 01.12.1943 года)? Непонятно, что заставило бригадефюрера СС и генерала полиции Вальтера Шелленберга, руководившего в 1942 – 1945 годах внешней разведкой службы безопасности «великогерманской империи», весьма разговорчивого мемуариста, обойти молчанием эту акцию и участие в ней «спасителя Муссолини» в своем объемистом томе воспоминаний, вышедшем в 1954 году? Отчего «любимец фюрера» в своей книге «Секретный отряд Скорцени», появившейся в 1951 году, ничего не написал об операции «Длинный прыжок» и о том, было ли ему поручено руководить ею? Неужели «герой великогерманской империи» из скромности решил промолчать об этом? Нет, это не похоже на падкого на рекламу «диверсанта номер один» нацистской Германии.

Тогда что же? Был ли вообще у гитлеровских спецслужб план ликвидации лидеров «Большой тройки» во время Тегеранской конференции? И имел ли отношение к этому Отто Скорцени?

Такие вопросы встали передо мной, когда я занялся исследованием деятельности разведывательных и контрразведывательных структур «великогерманского рейха». Немало ушло времени, прежде чем мне удалось докопаться до истины или же до ее части.

Сейчас, уважаемые читатели, я постараюсь максимально объективно изложить результаты моих раскопок. Но для этого нам нужно прежде всего вернуться к давнему времени встречи лидеров Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании, состоявшейся шестьдесят лет назад.

Коренной свидетель

« – Каков он, папа? Или ты еще его не видел?

– Дядю Джо? (прозвище И. Сталина в окружении Ф. Д. Рузвельта и У. Черчилля; встречается также в переписке между президентом США и премьер-министром Великобритании. – *В. Ч.*). Как же, я видел его. В субботу я хотел пригласить его на обед, но он ответил, что очень устал. Вчера под вечер, когда я приехал сюда, он зашел ко мне.

– Прямо сюда?

Отец рассмеялся:

– Маршал сидел вот здесь, на этой кушетке, Эллиот, как раз на том месте, где сидишь ты...»

Это отрывок из книги воспоминаний «Его глазами» Эллиота Рузвельта, сына президента США, написанной через год после кончины главы американского государства, который месяц не дождал победы над гитлеровской Германией. Разговор состоялся 29 ноября 1943 года, на второй день Тегеранской конференции. Здесь впервые встретились вместе три лидера главных держав антигитлеровской коалиции – Сталин, Рузвельт и Черчилль. Эллиот только что прибыл в иранскую столицу и зашел к отцу. Естественно, сына интересовало, какое впечатление на Рузвельта-старшего произвел Сталин, которого на Западе считали загадочной, непредсказуемой и одновременно одной из самых мрачных личностей в истории. Поэтому Эллиот нетерпеливо спросил:

« – О чем вы говорили? Или это государственная тайна?

– Вовсе нет, – возразил отец. – Разговор большей частью проходил в таком духе: «Как вам понравилось ваше помещение?» – «Я вам очень благодарен за то, что вы предоставили мне этот дом». – «Что нового на Восточном фронте?...» Кстати, оттуда поступают прекрасные новости. Сталин очень доволен: он надеется, что еще до того, как мы отсюда разъедемся, Красная Армия перейдет границу Польши. В общем, вот такой разговор. У меня и не было особенного желания сразу же приступить к делу.

– Прощупывали друг друга, так что ли?

Отец нахмурился.

– Я бы выразился не так.

– Прости, пожалуйста, – поправился я.

– Мы познакомились друг с другом, выясняли, что мы за люди.

– Что же он за человек?

– Как тебе сказать... У него густой низкий голос, он говорит не спеша, кажется очень уверенным в себе, нетороплив – в общем, производит сильное впечатление.

– Он тебе понравился?

Отец решительно кивнул головой.

Затем Рузвельт-младший поинтересовался результатами первого пленарного заседания конференции.

« – Сталину показали наш план операции «Оверлорд» (кодовое обозначение высадки войск западных союзников в Северной Франции. – *В. Ч.*), – сказал отец с улыбкой. – Он взглянул, задал один-два вопроса и затем прямо спросил: «Когда?»

Далее Рузвельт-старший сделал весьма примечательное заявление.

– Я уверен, – сказал он, – что мы со Сталиным поладим. В ближайшие дни будет ликвидировано немало недоразумений и подозрений прошлого, надеюсь, раз и навсегда. Что касается Уинстона...

Тут хозяин Белого дома замолк, раздумывая.

– Не так гладко, что ли? – спросил Эллиот.

– Здесь мне придется основательно потрудиться, – продолжил президент. – Они так не похожи друг на друга. Такая разница во взглядах, темпераментах...»

Затем, пишет Эллиот, президент рассказал об обеде, который он дал накануне в честь Сталина, Черчилля и высших дипломатических сановников, и о том, что они засиделись до одиннадцати часов вечера, осторожно и неторопливо беседуя о политике. При этом необходимость в переводе оказалась незначительной помехой. Зато очень серьезно мешала диаметрально противоположность взглядов Сталина и Черчилля.

Рузвельт-младший полюбопытствовал, какие именно политические вопросы обсуждались.

« – Мы говорили обо всем, что приходило нам на ум, – ответил президент.

Он перечислил темы беседы: послевоенная организация мира; организация трех государств, которые должны будут поддерживать мир; точная договоренность насчет того, что мир до такой степени зависит от единства действий этих государств, что в важных вопросах отрицательная позиция хотя бы одного из них должна будет налагать вето на спорное предложение в целом. Отец сказал, что вопрос о праве вето подлежит еще тщательному обсуждению, но что, вообще говоря, он поддерживает этот принцип, учитывая бесспорную необходимость единства «тройки» в будущем...»

Разговор отца с сыном был прерван. Президент направился на торжественную церемонию: Черчилль вручал Сталину от имени английского короля и народа Великобритании большой двуручный меч – дань уважения героям Сталинграда. Затем состоялось очередное пленарное заседание. После него отец и сын Рузвельты встретились снова.

Президент сказал, что сегодня они будут в гостях у Сталина. Он добавил, что обед будет в русском стиле и, если эксперты из госдепартамента опять не напутали, за обедом будет множество тостов.

Далее, пишет Эллиот Рузвельт, состоялся следующий разговор:

« – И этот человек умеет действовать, у него всегда цель перед глазами, – медленно и задумчиво сказал президент, имея в виду Сталина. – Работать с ним одно удовольствие. Никаких околичностей. Он излагает вопрос, который хочет обсудить, и никуда не отклоняется...»

Из архивной справки. Тегеранская конференция глав правительств Великобритании, СССР и США состоялась 28.11. – 01.12.1943 года.

Рассматривались важнейшие вопросы войны и послевоенного сотрудничества и обеспечения прочного мира. В центре работы находилось обсуждение и координация дальнейших военных действий против гитлеровской Германии. По настоянию советской делегации было принято решение об открытии второго фронта в Северной Франции в мае 1944 года.

Обсуждался вопрос о вовлечении Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции.

В Декларации трех держав о совместных действиях в войне против гитлеровской Германии (принята 01.12.1943 года) говорилось: «Мы пришли к полному согласию относительно масштабов и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга. Взаимопонимание, достигнутое здесь, гарантирует нам победу».

Советская сторона, идя навстречу союзникам, заявила о готовности по завершении военных действий в Европе вступить в войну против Японии.

США поставили вопрос о расчленении Германии после войны на пять автономных государств. Предложение было поддержано Черчиллем, который настаивал также на создании Дунайской конфедерации с включением в нее Австрии, Венгрии и некоторых южных районов Германии. Советский Союз выступил против этих планов, и они были переданы на доработку в Европейскую комиссию.

Принята Декларация об Иране, в которой подчеркивалось желание трех держав сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана.

Обсуждался вопрос о Польше. В предварительном порядке достигнуто соглашение о том, что восточная граница Польши будет проходить по «линии Керзона» (принятое наименование линии, рекомендованной в 1919 году Восточным советом Антанты в качестве границы: проходит через Гродно – Брест – Устилуг – восточнее Грубешово, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат; названа по имени тогдашнего министра иностранных дел Великобритании. – *В. Ч.*), а западная – в районе Одера.

Обсуждались также вопросы послевоенной организации мира. «Мы уверены, – заявили руководители трех держав, – что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью сознаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения».

Первая встреча трех лидеров показала несостоятельность гитлеровской дипломатии на раскол в лагере союзников. Она сыграла большую роль в укреплении англо-американо-советской коалиции во время войны.

Сейчас совершенно ясно: положительные результаты конференции были обеспечены явным сближением позиций американской и советской сторон, особенно в вопросах открытия второго фронта в Европе и дальнейшего ведения войны. Черчилль, который возражал почти против всех предложений Сталина, вынужден был либо отступать, либо уступать, поскольку Рузвельт, взявший на себя роль третейского судьи, в большинстве случаев становился на сторону кремлевского властителя.

Этому может быть одно объяснение: похоже, хозяин Белого дома попал под влияние Сталина. Именно к такому выводу неизбежно придет любой объективный исследователь, когда внимательно проанализирует не только итоги Тегеранской конференции, но и беседы между президентом Рузвельтом и его сыном, отрывки из которых были приведены в начале моего эссе.

Хитрый ход

Сталин, надо отдать ему должное, тонко разыграл роль послушного союзника, с глубоким уважением относящегося к главе величайшей державы мира. Он сумел ненавязчиво убедить американского президента в своих лучших чувствах и благих намерениях. Понимая, что слова в данном случае не самое веское доказательство, советский лидер искал эффектный ход, который мог бы оказать сильное впечатление на хозяина Белого дома. И, судя по всему, нашел.

Как свидетельствует переписка между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем – она была давно опубликована и выдержала несколько изданий, – вопрос о первой встрече в верхах обсуждался длительное время. Главы правительств в конце лета 1943 года пришли к выводу о необходимости рандеву между 15 ноября и 15 декабря. Но вот относительно места встречи возникли серьезные разногласия. Сталин с самого начала, 15 сентября, предложил Тегеран. Он ссылаясь на то, что активные военные операции на советско-германском фронте не позволят ему, как Верховному главнокомандующему, удаляться от Москвы на расстояние больше, чем то, какое можно преодолеть самолетом в течение суток. Тегеран как раз отвечал такому требованию. Кроме того, с иранской столицей имелась надежная проволочная телеграфная и телефонная связь из Москвы.

Рузвельт возражал против Тегерана, считая, что этот пункт расположен слишком далеко от Соединенных Штатов. Он предложил Северную Африку. Черчилль отдал предпочтение Каиру или Хартуму. Кремлевский властитель вновь предложил Тегеран, и английский премьер-министр сдался.

Президент же продолжал настаивать на пунктах, расположенных в районе Персидского залива, куда можно было бы доставлять без особого риска документы из Вашингтона. Он назвал Бастру и предложил протянуть туда телефонную линию из Тегерана.

Сталин, однако, стоял как скала: только иранская столица! Дальнейший отказ хозяина Белого дома приехать в Тегеран мог привести к тому, что советский лидер вообще не принял бы участия в намеченной встрече. И Рузвельт 8 ноября, наконец, согласился.

Для советской стороны Тегеран был удобным местом не только потому, что он был ближе к Москве, чем другие предлагавшиеся пункты, и надежнее связан с ней. Здесь находились части Красной Армии, введенные в августе 1941 года в соответствии с советско-иранским договором, заключенным в 1921 году, в целях пресечения подрывной шпионско-диверсионной деятельности немецкой агентуры в Иране. Южную половину страны одновременно заняли английские войска для обеспечения англо-американских поставок, шедших через Персидский залив в СССР. Использование Тегерана в качестве места встречи «Большой тройки» давало возможность организовать надежную охрану участников конференции, главным образом силами Советской армии и органов безопасности. А это делало Сталина хозяином положения и создавало условия для успешного проведения задуманной им акции по оказанию влияния на президента Соединенных Штатов.

Что же произошло? Перед прибытием Рузвельта в Тегеран Сталин через своего министра иностранных дел Вячеслава Молотова передал хозяину Белого дома приглашение остановиться в советском посольстве, где можно было бы проводить пленарные заседания и встречи лидеров между собой, а также организовать работу секретариата. Предложение мотивировалось не только соображением, что советское представительство располагает бо́льшим помещением, чем английское и американское. Самое важное состояло в том, что в союзнических кругах усиленно муссировалось сообщение советской секретной службы: немцы, мол, готовят покушение на лидеров союзных держав. Совпосольство же несравненно лучше отвечало требованиям безопасности, чем английское и американское. Его здания были обнесены высокой каменной стеной, которая усиленно охранялась. К тому же представительство США находи-

лось на городской окраине, и, поскольку заседания наметили проводить в советском, американскому президенту, если бы остановился у себя, каждый день пришлось бы пересекать весь город, кишевший шпионами, диверсантами и террористами.

Как реагировал на это Рузвельт? Сошлюсь снова на коронного свидетеля, его сына Эллиота. Сначала президент отклонил приглашение Сталина. Но все же соображения удобства и, что еще важнее, безопасности в конечном счете побудили хозяина Белого дома согласиться.

На пресс-конференции в Вашингтоне 17 декабря 1943 года по возвращении из Тегерана президент заявил, что остановился в советском посольстве, поскольку Сталину стало известно о германском заговоре. «Маршал Сталин, – сказал Рузвельт, – сообщил, что, возможно, будет организован заговор с целью покушения на жизнь участников конференции. Он просил меня остановиться в советском посольстве с тем, чтобы избежать необходимости поездок по городу».

Президент добавил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. «Для немцев было бы довольно выгодным делом, – добавил он, – если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, когда мы проезжали бы по улицам Тегерана, поскольку советское и американское посольства отделены друг от друга расстоянием в полторы мили».

И еще одно свидетельство Эллиота Рузвельта:

«Разумеется, русские приложили все усилия, чтоб сделать отцу приятным пребывание в своем посольстве. Сталин сам поселился в одном из домов поменьше (это был двухэтажный коттедж, служивший квартирой для советского посла. – *В. Ч.*), предоставив отцу главное здание... Большим удобством для отца было также и то, что его комнаты выходили прямо в зал главного посольского здания, где должны были проходить пленарные заседания». (Такая забота была высоко оценена президентом, которому из-за паралича ног было затруднительно передвигаться, и, конечно, по-человечески растрогала его. – *В. Ч.*)

Рузвельт не случайно выступил на пресс-конференции со специальным заявлением, в котором объяснил американской общественности, почему он принял решение найти кров в советском посольстве. Он вынужден был ответить на довольно резкую критику в печати Соединенных Штатов, где можно было встретить и такие утверждения: русская секретная служба, мол, похитила президента, никакого нацистского заговора, имевшего целью убить или похитить в Тегеране хозяина Белого дома, вообще в природе не существовало и все это было специально придумано Сталиным.

Что реально угрожало «Большой тройке»?

Так планировали ли нацистские спецслужбы операцию по устранению лидеров антигитлеровской коалиции или же все это досужий вымысел?

В нашей послевоенной литературе прочно укоренилось мнение: такой нацистский заговор реально существовал. Сошлюсь на один из наиболее солидных источников – книгу воспоминаний «Страницы дипломатической истории», принадлежащую перу известного дипломата и литератора Валентина Бережкова, ныне покойного. Он принимал участие в Тегеранской конференции в качестве личного переводчика И. Сталина. Автор излагает официальную версию Кремля: гитлеровская разведка готовила покушение на участников встречи; разработку этой операции, получившей кодовое название «Длинный прыжок», Гитлер поручил начальнику абвера (ведомство военной разведки и контрразведки) адмиралу Вильгельму Канарису и шефу Главного управления имперской безопасности обергруппенфюреру СС и генералу полиции Эрнсту Кальтенбруннеру.

В качестве доказательства В. Бережков ссылается на сведения, которые поступили в Наркомат государственной безопасности СССР «из лесов под Ровно», где за линией фронта действовал специальный разведывательно-диверсионный отряд под командованием Д. Медведева и А. Лукина. Там находился знаменитый разведчик-диверсант Николай Кузнецов.

От Д. Медведева в октябре 1943 года поступило следующее донесение. Н. Кузнецов, выступивший в немецком тылу под видом немецкого фронтового офицера, обер-лейтенанта Пауля Зиберта, установил дружеские отношения с приехавшим из Берлина в Ровно штурмбаннфюрером (майором) СС Ульрихом фон Ортелем и выведал у него великую тайну. Однажды эсэсовец предложил полюбившемуся ему фронтовику перейти в службу безопасности и пообещал познакомить его с одним из ответственных сотрудников того учреждения, «героем рейха и спасителем Муссолини» штурмбаннфюрером СС Отто Скорцени. С ним фон Ортелю якобы придется выполнять какую-то важную операцию.

Кузнецову-Зиберту не пришлось долго допытываться, о чем идет речь. Размякший, как пишет автор, от коньячных паров фон Ортель все выболтал.

– Скоро я отправлюсь в Иран, друг мой, – доверительно шепнул он. – В конце ноября там соберется «Большая тройка». Мы повторим прыжок в Абруцци (горная область в Италии, где в заключении содержался Муссолини. – В. Ч.). Только это будет длинный прыжок! Мы ликвидируем «Большую тройку» и повернем ход войны. Мы попытаемся похитить Рузвельта, чтобы фюреру легче было договориться с Америкой...»

А вот как красочно описывал сам Д. Медведев, командир Н. Кузнецова, этот эпизод в своих, вышедших после войны воспоминаниях «Сильные духом».

«Зиберт и фон Ортель встретились в казино... И тогда фон Ортель сказал ему наконец, куда он собрался направить свои стопы: на самый решающий участок фронта.

– Где же тогда этот решающий участок?

– В Тегеране, – с улыбкой сказал фон Ортель.

– В Тегеране? Но ведь это Иран, нейтральное государство?

– Так вот именно здесь и соберется в ноябре «Большая тройка». Сталин, Рузвельт, Черчилль.

И фон Ортель рассказал, что он ездил недавно в Берлин, был принят генералом Мюллером и получил весьма заманчивое предложение, о смысле которого Зиберт, вероятно, догадывается. Впрочем, он, фон Ортель, может сказать ему прямо: предполагается ликвидация «Большой тройки». Готовятся специальные люди. Если Зиберт изъявит желание, то он, фон Ортель, походатайствует за него. Школа – в Копенгагене. Специально готовятся террористы для Тегерана. Разумеется, об этом не стоит болтать».

И далее: «В тот же день на политинформации партизанам прочитали сообщение о провале гитлеровского заговора в Тегеране. Разумеется, фамилия Кузнецова не была при этом упомянута... Не могло быть сомнения, что гитлеровские агенты, о которых шла речь в телеграмме, в том числе, конечно, и фон Ортель, занимавший среди них не последнее место, вовремя были найдены и обезврежены.

– Поздравляю вас, Николай Иванович!

– Ну я-то, может, здесь и ни при чем, – ответил Кузнецов. – Тут ведь, надо думать, десятки людей потрудились...»

А вот бывший начальник Четвертого управления НКВД – НКГБ генерал-лейтенант Павел Судоплатов, который руководил и Медведевым, и Кузнецовым, в своих мемуарах «Специальные операции. Записки нежелательного свидетеля», появившиеся в 1994 году на английском языке в Соединенных Штатах и лишь через два года на русском под названием «Разведка и Кремль» в Российской Федерации, излагает этот эпизод кратко, сухо, без лишних эмоций и прикрас:

«Медведев и Кузнецов установили, что Скорцени готовит группы нападения на американское и советское посольства в Тегеране, где в 1943 году должна была состояться первая конференция «Большой тройки».

Далее П. Судоплатов поясняет, что Кузнецов-Зиберт подружился с офицером немецкой спецслужбы фон Ортелем, занятым поиском людей, которые имеют опыт борьбы с русскими партизанами. Такие «специалисты» нужны ему для операций против высшего советского командования.

«Задолжав Кузнецову, – продолжает высокопоставленный мемуарист, – фон Ортель предложил расплатиться с ним иранскими коврами, которые собирался привезти из деловой поездки в Тегеран. Это сообщение, немедленно переданное в Москву, совпало с информацией из других источников и помогло нам предотвратить акции в Тегеране против «Большой тройки».

Вот так – не больше и не меньше!

Странно, но никто до сих пор не заметил грубых разночтений в изложении одного и того же эпизода у двух вроде бы самых компетентных в спецвопросах мемуаристов. Если фон Ортель у Дмитрия Медведева уже готов отправить Кузнецова-Зиберта в копенгагенскую школу, готовящую диверсантов и террористов для использования в операции «Длинный прыжок», которую поручено проводить Отто Скорцени, то у Павла Судоплатова речь идет только о поездке фон Ортеля в Тегеран для участия в ликвидации «Большой тройки» – и только. Начальник разведывательного диверсионного управления НКВД не упомянул о названии немецкой операции – «Длинный прыжок», ни об участии в этом деле Отто Скорцени. Есть и другие разночтения, и они сразу заставляют насторожиться внимательного читателя – здесь что-то не то!

К сожалению, свидетельства Д. Медведева и П. Судоплатова, как показывает пример с В. Бережковым, были приняты нашими исследователями и литераторами целиком и полностью на веру. И никто, насколько мне известно, до сих пор не задумывался, мягко выражаясь, над странностью и нелогичностью эпизода, который лег в основу «сообщения из ровенских лесов» в Центр. Если же немного пошевелить мозгами, то сразу бросится в глаза сверхъестественное везение, сопутствовавшее Кузнецову-Зиберту. Далеко от Берлина, где планируются крупные операции немецких спецслужб, в прифронтовой полосе, он встречает ответственного сотрудника внешней разведки Главного управления имперской безопасности штурмбаннфюрера СС фон Ортеля, носителя сверхсекретных сведений гитлеровского рейха, который быстро выбалтывает их малоизвестному армейскому обер-лейтенанту, хотя тот и был весьма приятным и щедрым собутыльником. Эта история словно списана со страниц незатейливого шпионского романа. Смею уверить, такой в жизни вряд ли встретишь.

Нужно также обладать немалой фантазией, чтобы вообразить, как фон Ортель, беседуя в Ровно с Кузнецовым-Зибертом в ноябре или пусть даже в октябре 1943 года, смог бы принять участие в операции «Длинный прыжок», намеченной на конец ноября. Ведь нужно было вернуться из украинской глухомани в Берлин, пройти там или в Копенгагене боевую и специальную подготовку, десантироваться на юге Ирана с промежуточной остановкой в Крыму (немецкие самолеты тогда не были в состоянии совершать беспосадочный полет из Германии до иранской территории. – В. Ч.).

Самое удивительное в истории с фон Ортелем было то, что она, как выяснилось в наши дни, не нашла должного отражения в личном деле Кузнецова-Зиберта. Не веря себе, я обратился, пожалуй, к самому лучшему знатоку биографии выдающегося советского разведчика, писателю Теодору Гладкову, автору великолепной документальной повести о нем «С места покушения скрылся», которая была издана в 1998 году.

– Да, там, в личном деле, я ничего не нашел, – подтвердил Теодор Кириллович. – Фон Ортель ни словом не обмолвился с Кузнецовым-Зибертом об Иране и предстоящей в Тегеране конференции «Большой тройки».

Что же заставило тогда отправить в Центр радиوشифровку о готовящейся немецкой разведкой террористической акции против Сталина, Рузвельта и Черчилля? Лишь весьма расплывчатые данные от одной из помощниц Кузнецова, жительницы Ровно Марины Мякоты, которая была агентом фон Ортеля. В ее деле Гладков обнаружил документ, который, лишь имея большую фантазию, можно истолковать как косвенное подтверждение возможной операции гитлеровской разведки в Иране. Мякота сообщила, что ее шеф, штурмбаннфюрер СС фон Ортель собирается уехать, но куда точно – не сказал. Кузнецов настойчиво попросил Марину постараться вспомнить все, самые мельчайшие подробности разговора с фон Ортелем, любые детали, намеки – все это очень важно.

– Да ничего он мне больше не говорил, – после раздумья ответила девушка. – Вот только упомянул, что, когда вернется, привезет мне в подарок персидский ковер.

Вот отсюда и пошло. Персидский ковер – это Иран (до 1935 года он назывался Персией. – В. Ч.). А столица Ирана – Тегеран, там собирается провести конференцию «Большая тройка». Зачем ехать туда немецким диверсантам и террористам? Ясно, чтобы воспользоваться редким случаем, когда лидеры антигитлеровской коалиции соберутся вместе, и ликвидировать их. И закрутилось...

Удивительно, но никто из руководителей советских спецслужб и аналитиков почему-то не подумал: персидские ковры не обязательно было тащить за тридевять земель из Ирана. Фон Ортель мог бы купить или конфисковать их в любой европейской стране, оккупированной гитлеровцами. Например, в той части Советского Союза, которая попала под пяту вермахта, немцы отобрали у населения и вывезли из музеев немало великолепных изделий восточных мастеров.

А Николай Кузнецов, он же Пауль Вильгельм Зиберт, так и не смог выяснить, почему фон Ортель завел разговор о персидских коврах. Когда недели через три он вернулся в Ровно, Марина Мякота сообщила ему, что штурмбаннфюрер СС застрелился в своем рабочем кабинете. Когда и где прошли его похороны – неизвестно.

«Кузнецов не сомневался, – пишет Т. Гладков, – что никаких похорон не было, потому как не было никакого самоубийства. Его интересовало другое: почему фон Ортель так неожиданно покинул город и для чего устроил такую инсценировку? Об этом можно было только гадать...»

Мнимые подвиги «героя рейха»

Есть и другие соображения. Во время войны и в первые послевоенные годы мне довелось служить в политической (сейчас ее называют внешней. – В. Ч.) разведке НКГБ – МГБ СССР. И состоял я в отделе, руководившем операциями в Германии и Австрии. Но ни разу мне не пришлось встретиться с материалами, в которых хоть как-нибудь упоминалось об акции немецкой разведки «Длинный прыжок». Нет о ней сведений и в архивах германских спецслужб, попавших к нам или западным союзникам. Не обнаружились ее следы в документах разведок Вашингтона и Лондона, рассекреченных и ставших достоянием историков и журналистов.

Не упоминают о «Длинном прыжке» в своих мемуарах крупные разведчики нацистской Германии, которые по долгу службы должны были заниматься этой операцией, такие, например, как начальник внешней разведки Главного управления имперской безопасности бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, начальник отдела в ведомстве Шелленберга штурмбаннфюрер СС Вильгельм Хёттль (он же – Вальтер Хаген), бывший резидент абвера в Тавризе (важный пункт на северо-западе Ирана, вблизи границы с Советским Союзом. – В. Ч.) и в Стамбуле майор Пауль Леверкюн; другой тавризский резидент военной разведки и контрразведки – майор Бертольд Шульце-Хольтус, перешедший на нелегальное положение и руководивший операциями абвера на юге Ирана в 1942 – 1944 годах, помощник начальника абвера подполковник Оскар Райле... Даже в записках главного фигуранта «спецсообщения из ровенских лесов» СС Отто Скорцени, которые вышли в свет в 1951 году под названием «Секретный отряд Скорцени», никак не упоминается о тегеранской акции.

Кстати, легенда о том, что именно удачливому исполнителю операции «Алларих» (освобождение Муссолини) было поручено организовать ликвидацию «Большой тройки», возникла после войны. И похоже, что придумал ее сам «спаситель дуче». Забыв о том, что в своем недавнем бестселлере он ничего не упоминал об операции «Длинный прыжок», Скорцени в 1954 году выдал корреспонденту французской газеты «Экспресс» такую небылицу:

« – Из всех забавных историй, которые рассказывают обо мне, самые забавные – это те, что написаны самими служителями исторической науки. Они утверждают, что я со своей командой должен был похитить Рузвельта во время Крымской конференции. Это глупость, никогда мне Гитлер не приказывал такого. Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории. В действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время предыдущей конференции – той, которая проходила в Тегеране. Но бац! (Смеется.) Из-за различных причин это дело не удалось обделать с достаточным успехом...»

Для чего эта выдумка была нужна Отто Скорцени, получившему в сентябре 1943 года за «спасение Муссолини» одну из высших наград нацистской империи Рыцарский крест Железного креста из рук самого Гитлера и досрочное звание штурмбаннфюрера СС? Да, просто для собственной рекламы. Попав в Испанию, гитлеровский «диверсант номер один» укрепил свое положение, вышел из подполья, стал уважаемой персоной в кругах, близких к диктатору Франко, и успешно занялся предпринимательской деятельностью. Понятно, что ему не мешал бы новый яркий штрих к своему «боевому» прошлому. Вот и приписал себе гориллообразный эсэсовец участие в подготовке несостоявшейся операции «Длинный прыжок», которой, впрочем, как мы убедимся сами, вовсе и не было.

В своей книге Юлиус Мадер подробно и со знанием дела рассказывает о жизненном пути «любимца фюрера» и «гордости третьего рейха». Но что можно сказать, внимательно разобравшись в послужном списке Скорцени? Да то, что он, этот список, выглядит довольно скромным и не дает основания награждать эсэсовца такими громкими эпитетами. Судите сами. До 1943 года он долго тянул лямку рядового, а потом младшего офицера СС, правда, в элитных частях,

но не более. И все же ему чертовски повезло: его переводят во внешнюю разведку службы безопасности. А через несколько месяцев, в сентябре, – звездная удача: Скорцени со своей командой головорезов-парашютистов освобождает Бенито Муссолини, заключенного противниками дуче под стражу в труднодоступных горах, и помогает ему захватить власть в Северной Италии. Правда, ненадолго. В начале 1945 года его поймали итальянские партизаны. По приговору трибунала Комитета национального освобождения, действовавшего на этой территории, дуче был казнен.

Факт остается фактом: дерзкая до сумасбродства операция «Аллари» сделала долгового австрийца героем гитлеровской Германии, вмиг получившем всемирную известность. Обласканный фюрером Скорцени, к удивлению многих – не иначе, как происки врагов, – не получил в Главке имперской безопасности значительной должности. Он стал начальником небольшого подразделения, которое было сформировано в 1944 году из остатков ликвидированного абвера и спецназовских команд.

Здесь «спаситель дуче» пробыл до 1945 года и ничего выдающегося не совершил. Более того, у него был ряд крупных промахов и ошибок. Отмечу самый большой провал. Службе «Д», так называлось подразделение, во главе которого поставили Скорцени, поручили развернуть разведывательно-диверсионную деятельность в тылу советских войск, используя крупное немецкое подразделение под командованием подполковника Хайнриха Шерхорнда, оставшегося в «белорусском котле» летом 1944 года. В ведомстве имперской безопасности операция получила кодовое название «Волшебный стрелок».

Отто Скорцени рьяно взялся за дело. Но откуда ему было знать, что подполковник Шерхорнд, командир 36-го охранного полка 286-й охранной дивизии, входившей в состав группы армий «Центр», в июле 1944 года попал в советский плен, а Четвертое управление НКГБ, которое возглавлял генерал-лейтенант Павел Судоплатов, задолго до этого через свои возможности легендировало перед германским верховным командованием якобы скрывавшуюся в дремучих белорусских лесах немецкую воинскую часть численностью до двух тысяч солдат и офицеров. Подполковник Шерхорнд будто бы возглавил это виртуальное воинство, а его роль мастерски сыграл один из ответственных сотрудников Четвертого управления – полковник Михаил Маклярский. Самую крупную дезинформационную операцию времен Второй мировой войны на Лубянке окрестили кодовым названием «Бородино».

Оперативная группа, возглавляемая заместителем П. Судоплатова генерал-майором Наумом Эйтингоном, почти до падения Берлина вела успешную радиоигру с немецкой разведкой. Кстати, в ней участвовал и майор Вильям Фишер, который после своего провала в 1961 году стал широко известен как советский суперразведчик полковник Рудольф Абель, нелегальный резидент внешней разведки КГБ в Соединенных Штатах.

За более чем полгода Скорцени забросил по воздуху в подразделение «волшебных стрелков», якобы бродившее в тылу советских войск и ведущее там партизанскую войну, сотни тонн оружия, боеприпасов, средств связи, медикаментов и провианта, а также множество агентов-диверсантов, радистов и медицинского персонала. И все это попало в руки команды Эйтингона.

Короче говоря, госпожа Удача лишь один раз широко улыбнулась оберштурмбаннфюреру СС, когда он счастливо выполнил сложнейшую – что правда, то правда – операцию «Аллари». А в остальном гитлеровский «диверсант номер один» не совершил ничего выдающегося – занимался в основном рутинными спецоперациями, с которыми не всегда успешно справлялся. Не буду голословным и приведу следующий пример. Во время наступления немцев в Арденнах в декабре 1944 года «герой нацистского рейха» был назначен командиром диверсионных отрядов численностью около двух тысяч человек, которые должны были в форме американской армии совершить диверсии в тылу войск союзников. Однако операция провалилась, а две трети диверсантов были уничтожены.

Как ни странно, но после войны фигуру Скорцени до невероятных размеров раздули средства массовой информации советского блока. У него взял интервью мэтр нашего шпионского детектива Юлиан Семенов. Беседу с «любимцем фюрера» опубликовал также ведущий кремлевский публицист Генрих Боровик, возглавивший в 1987 году Советский комитет защиты мира. В других странах Варшавского Договора о Скорцени вышло несколько книг и написаны сотни очерков, статей, фельетонов, комментариев и заметок.

Советской пропаганде надо было скомпрометировать послевоенное неонацистское движение. Одиозная фигура «любимца фюрера» как нельзя лучше подходила для этой цели. К тому же кремлевские пропагандисты постарались как можно выгоднее для себя использовать ставший известным факт сотрудничества Скорцени с американской и западногерманской спецслужбами: видите, мол, каких крупных нацистских военных преступников взяли под свое крыло Вашингтон и Бонн.

Вот где надо искать корни легенды о «диверсанте номер один третьего рейха».

Что же касается операции «Длинный прыжок», то Скорцени, судя по всему, не имел к ней никакого отношения, потому что ее в природе просто не существовало. Объективные исследователи, изучив появившиеся на сей счет в последнее время документы, считают, что гитлеровские спецслужбы, по здравом размышлении, воздержались от ее проведения. Во-первых, они слишком поздно узнали, что встреча «Большой тройки» состоится именно в Тегеране. Решение об этом, как теперь документально известно, было принято только 8 ноября 1943 года. И тогда же названа точная дата проведения – 28 ноября – 1 декабря. Немцы имели в своем распоряжении максимум дней двадцать, а этого времени, учитывая, по тогдашним меркам, колоссальную отдаленность места встречи от основных баз в Германии и оккупированной Европе, совершенно не хватало. Во-вторых, благодаря энергичным контрразведывательным мерам, предпринятым советскими и британскими спецслужбами на территории Ирана, и в особенности в его столице и в прилегающем к ней районе, была разгромлена многочисленная сеть гитлеровских разведывательных структур, их опорные пункты и пронацистские организации местных националистов. У абвера и немецкой службы безопасности просто не осталось в нужный момент и в нужном месте террористов и диверсантов, способных выполнить сверхсложное задание – ликвидировать Сталина, Рузвельта и Черчилля...

Правда, и сейчас некоторые историки и журналисты слепо следуют утверждениям, будто Отто Скорцени участвовал в разработке плана операции «Длинный прыжок» и с этой целью якобы побывал в Иране, и не единожды, а даже дважды. Так говорится, например, в вышедшей весной 2002 года книге Николая Долгополова «С ними можно идти в разведку», журналиста, давно пишущего о спецслужбах. Последний раз «любимца фюрера» будто бы сбросили на парашюте во главе группы диверсантов у озера Кум. Ни в одном из имеющихся в нашем распоряжении источников не упоминается об этом эпизоде из жизни Скорцени. В книге же Н. Долгополова специально подчеркивается, что рекогносцировка гитлеровского «диверсанта номер один» была нацелена на подготовку террористического акта против «Большой тройки». Неужели автор не мог понять простейшей истины: руководители берлинских спецслужб были не в состоянии дать ему задание провести акцию по ликвидации лидеров антигитлеровской коалиции, не зная ни точного места, ни точного времени встречи? Ведь это было окончательно согласовано, как нам теперь определенно известно, только 8 ноября 1943 года.

Кстати, весной и летом этого года – ныне гадать не нужно, это точно известно – главное внимание руководства гитлеровской разведки, политической и военной, было направлено не на виртуальную операцию «Длинный прыжок», а на вполне реальную акцию, проводившуюся на юге Ирана, где собрались остатки резидентур абвера и службы безопасности. Их подкрепили несколькими сброшенными на парашютах группами диверсантов и радистов. Используя мятежные племена, это нацистское шпионско-диверсионное воинство в нескольких местах перерезало трансиранские железнодорожную и шоссейную магистрали, по которым западные

союзники направляли в СССР военную технику, вооружение и продовольствие. Английским и советским войскам пришлось приложить немало усилий, чтобы к осени ликвидировать угрозу этим коммуникациям и обеспечить безопасную доставку грузов. Почему-то сейчас никто не пишет об этой славной истории советских и союзнических спецслужб, а все средства массовой информации, писатели и мемуаристы перетряхивают потрепанные версии мифической операции «Длинный прыжок», начало которым положила странная радиограмма «из ровенских лесов».

Ликвидация немецко-фашистского подполья

До сих пор идут споры по главному вопросу: соответствовала ли реальной действительности переданная советской стороной западным союзникам разведывательная информация о готовящемся в ноябре 1943 года гитлеровскими спецслужбами покушении на «Большую тройку» в Тегеране? Чтобы ответить на него, надо в первую очередь четко представить себе, какая оперативная обстановка складывалась к тому времени в Иране и его столице. Сейчас ее, эту обстановку, можно реконструировать с достаточной точностью.

Перед Второй мировой войной и в первые два военных года немецкие спецслужбы, пользуясь благожелательным отношением старого шаха Реза Пехлеви и шахской камарильи к гитлеровской Германии, создали в Иране разветвленную шпионскую сеть, действующую в первую очередь против СССР. Кроме того, гитлеровцы сколотили многочисленную «пятую колонну» из местных националистических организаций. По данным советской разведки, в то время их было свыше двадцати. Задачу создать мощное прогерманское националистическое движение в Иране Берлин возложил на резидента внешней разведки Главного управления имперской безопасности штурмбаннфюрера СС Франца Майера. Его коллеге из ведомства военной разведки и контрразведки майору Бертольду Шульце-Хольтусу поручалось тем временем поднять против союзников по антигитлеровской коалиции, а затем и центрального правительства в Тегеране мятежные племена на юге страны.

Ввод на территорию нашего южного соседа советских и английских войск в августе 1941 года привел к существенному ослаблению немецкой агентуры. Часть шпионов бежала из страны, некоторых союзники интернировали, но немало их осталось. Они сменили паспорта и прикрытия, перешли на нелегальное положение. Например, Бертольд Шульце-Хольтус скрылся и действовал подпольно. Он отрастил бороду, выкрасил ее хной и, облачившись в одежду муллы, свободно передвигался по стране и активно занимался шпионажем и диверсиями. Летом 1943 года абверовский резидент обосновался у мятежных кашкайских племен на юге, в районе города Исфагань. К нему были сброшены на парашютах несколько агентов с радиопередатчиком, что позволило установить двустороннюю связь с Берлином.

Шульце-Хольтус поддерживал также контакт с резидентом внешней разведки службы безопасности Францем Майером. До середины 1943 года тот активно действовал, особенно в иранских военных кругах. Уйдя в подполье вместе с абверовским резидентом, Майер в течение трех месяцев скрывался на армянском кладбище в Тегеране, став могильщиком. Незадолго до Тегеранской конференции к нему в район иранской столицы были сброшены шесть парашютистов-диверсантов. Вскоре все они были обезврежены советскими и английскими контрразведчиками. Это проверенные факты. Не следует думать, что сведения о шпионско-диверсионной деятельности немецких спецслужб в Иране были голой выдумкой. Нет, нацистская агентура действовала здесь активно и представляла до поры до времени определенную опасность, чего нельзя было сбрасывать со счетов.

Другой вопрос: действительно ли эти агенты представляли опасность для «Большой тройки»? Тут не найдешь объективных оснований для положительного ответа. Скорее наоборот. Сейчас в распоряжении исследователей имеются рассекреченные архивные материалы английской и советской разведок, из которых следует, что в 1943 году спецслужбы Великобритании и СССР контролировали деятельность значительной части немецкой агентуры в Иране. И в частности, резидентур Шульце-Хольтуса и Майера. Англичанам было известно, что последний получил подкрепление из Берлина. После этого им удалось перевербовать одного из шести засланных к Майеру диверсантов. Поэтому отсюда опасность для участников тегеранской встречи не исходила. Короче говоря, секретная служба его величества держала тут ситу-

ацию под контролем. А все остальное относилось к области выдумок или целенаправленных мистификаций, что стало понятным лишь сегодня.

Ликвидация гитлеровских агентов и пронацистского подполья в Иране значительно ускорилась после разгрома, который потерпела немецкая армия под Сталинградом, и к сентябрю 1943 года достигла своего пика.

Резидента штурмбаннфюрера СС Франца Майера арестовали англичане. Это случилось в ночь на 15 августа. Его помощник Отто Энгельке был схвачен нашими контрразведчиками. Радисты Майера Рокстрол и Холльцапфель, заброшенные в марте из Берлина, тоже попали в руки англичан. Советские разведчики и контрразведчики и их британские коллеги обезвредили десятки других гитлеровских шпионов и диверсантов. Агентурная сеть германской службы безопасности и абвера в Иране была не только дезорганизована, но и выведена из строя. На свободе остался лишь абверовский резидент майор Бертольд Шульце-Хольтус. Ему, как уже отмечалось, удалось бежать на юг, в зону мятежных племен.

В Тегеране и других крупных городах остались, конечно, отдельные немецкие агенты, но они не смогли предпринять ничего серьезного, ибо затаились, легли на дно, потеряли радиосвязь с Берлином. В таких условиях оказалось невозможным использовать их для приема парашютистов-диверсантов. Что уж тут говорить об организации и проведении сложных террористических актов?

Судя по всему, в Берлине еще до начала встречи лидеров антигитлеровской коалиции в Тегеране поняли – обстановка в иранской столице, да и во всей стране, резко изменилась в худшую для немецких спецслужб сторону – и отказались от проведения такой сложной, многоходовой операции, как «Длинный прыжок».

Вот факт, который подтверждает этот вывод. Среди радиограмм из Берлина, направленных Шульце-Хольтусу в зону кашкайских племен в октябре – ноябре 1943 года, ни разу не указывалось, чтобы уцелевшие агенты посылались с юга в Тегеран для подготовки террористического акта. Перед ними такой задачи не ставилось. Похоже на то, что уже несколькими месяцами раньше шпионские центры в Берлине интересовали совсем иные дела, чем террористическая операция в иранской столице. Так, 17 июня 1943 года в район, где действовали отряды мятежного кашкайского Назыр-хана, немецкая служба безопасности десантировала нескольких парашютистов. Группой командовал оберштурмфюрер СС Мартин Курмис. Он вручил главарю повстанцев золотой револьвер, личное послание Гитлера и саквояж, битком набитый золотыми монетами. При этом эсэсовец заявил:

– Мне поручили вывести из строя нефтепроводы и насосные станции...

Короче говоря, сейчас в распоряжении исследователей имеется достаточно фактов и документов, чтобы сделать вывод: у германских спецслужб к осени 1943 года не существовало реальных планов проведения операции «Длинный прыжок». Заговор против лидеров антигитлеровской коалиции был сорван не в результате, скажем так, весьма неточной информации, полученной Четвертым управлением НКГБ якобы из «ровенских лесов», а благодаря энергичной, целенаправленной и высокопрофессиональной деятельности советских разведчиков в Иране. Их возглавляли главный резидент П. М. Журавлев, резидент в Тегеране А. И. Агаянц и резидент в Мешхеде В. И. Вертипорох.

Вот так обстояли в действительности дела в Тегеране шестьдесят лет назад.

Психическая атака на президента

Возникает вопрос, да не один. Для чего тогда советской стороне потребовалось нагнетать обстановку вокруг первой встречи лидеров антигитлеровской коалиции? Что крылось за предложением президенту Рузвельту остановиться в советском посольстве, если оперативная обстановка в Тегеране к моменту встречи не вызывала реальных опасений? Для чего пришлось использовать в этой мистификации громкое имя «диверсанта номер один третьего рейха»? Попробуем в этом разобраться, хотя для этого придется несколько отклониться от главной темы нашего эссе.

Ныне мы располагаем убедительными фактами, которые свидетельствуют, что хозяин Кремля в октябре 1943 года прекрасно понимал, что в Иране у немцев уже не было достаточно сил, средств и необходимого числа подготовленных террористов. И тем не менее он решил воздействовать на главу США и приближенных к нему лиц, чтобы они поселились на время конференции в советском посольстве. Для чего ему это понадобилось?

Конечно, не для того, как думают многие, чтобы подслушивать разговоры Рузвельта и его помощников. Сталин, безусловно, не преминул воспользоваться такой возможностью. Но это было не главным. Серго Берия, сын всесильного шефа Лубянки, по специальности радиоинженер, в своей книге воспоминаний «Мой отец – Лаврентий Берия» пишет, что его командировали в Тегеран для установки аппаратуры подслушивания в советском посольстве и расшифровки магнитофонных записей на английском языке. С такими слухачами Сталин лично побеседовал по прибытии в Тегеран, с каждым отдельно. И вот что сказал советский лидер сыну своего ближайшего подручного:

« – Я специально отобрал тебя и еще ряд людей, которые официально не встречаются с иностранцами, потому что то, что я поручаю делать вам, это неэтичное дело...

Затем выдержал паузу и подчеркнул:

– Да, Серго, это неэтичное дело...

Немного подумав, добавил:

– Но я вынужден... Фактически сейчас решается главный вопрос: будут ли они нам помогать или не будут. Я должен знать все, все нюансы...»

Пустившись в рассуждения о том, этично или неэтично подслушивать своих союзников, Сталин кривил душой. Смешно, не правда ли? Диктатора, на совести которого несчитанные загубленные жизни, в том числе родственников и соратников, могут волновать проблемы этики. Просто Сталин хотел замаскировать перед слепо преданным ему молодым человеком главное, ради чего затевалась мистификация в Тегеране.

В чем не откажешь кремлевскому правителю, так это в том, что он был превосходным психологом. Сталин решил воспользоваться несколькими днями тесного, не только политического, делового, но и, так сказать, бытового общения с американским президентом для того, чтобы изменить отношение к себе. На Западе давно сложилось прочное мнение о хозяине Кремля как о мрачном, угрюмом, необщительном и подозрительном человеке, которому чужды забота о ближнем, проявление сочувствия, сопереживания. Он, Сталин, хотел на деле доказать, что ему знаком дух товарищества, что он человек слова, что с ним можно иметь дело.

Не зря при открытии конференции Сталин заявил, что эта **братская** встреча, несомненно, сулит великие перспективы и что присутствующие здесь должны разумно пользоваться полномочиями, предоставленными им их народами. Эти слова сразу произвели сильное впечатление на Рузвельта и заставили его по-иному взглянуть на советского лидера.

Догадывался ли президент, что его разговоры в отведенных ему помещениях будут прослушиваться? Наверняка догадывался. И он со своими советниками, разумеется, принял ряд эффективных мер, чтобы максимально свести на нет эту выгоду для советской стороны. Зна-

ние о том, что они «на прослушке», давало им возможность прямым путем доводить до кремлевских слухачей выгодную для американцев дезинформацию.

Чем кончилась эта игра? Сталин в конце концов сумел убедить Рузвельта, что он, лидер Советской России, предложивший американскому коллеге кров в опасном для жизни Тегеране, не только радушный хозяин, но и доступный человек, несмотря на его кремлевскую манеру рубить сплеча. Рузвельт, судя по всему, пришел к выводу: когда Советский Союз убедится, что его законные претензии, например, право доступа к незамерзающим портам, будут полностью признаны, он станет более сговорчивым и с ним можно будет сотрудничать в послевоенном мире. России можно и нужно пойти навстречу, и Сталин оценит это, так считал американский президент.

И эту позицию подтверждают результаты Тегеранской конференции. Политические противники Рузвельта на Западе упрекали президента в том, что он сделал Советам ряд существенных уступок. Назвали, в частности, следующее:

1) обещал высадить англо-американские войска в Северной Франции (операция «Оверлорд») не позднее мая 1944 года;

2) согласился установить западные границы Польши по Одеру, а восточные – по «линии Керзона»;

3) признал советские претензии на Кенигсберг, который никогда в истории не принадлежал России;

4) признал аннексию Литвы, Латвии и Эстонии как акт, совершенный «согласно воле их населения».

Конечно, советская сторона в Тегеране тоже пошла на немалые уступки: согласилась объявить войну Японии не позднее чем через три месяца после окончания военных действий в Европе. Но Рузвельт, пожалуй, действительно уступил больше.

Крымская конференция глав правительств союзных держав, проходившая через 15 месяцев после Тегеранской, с 4 по 11 февраля 1945 года, принесла новые козыри хозяину Кремля.

Из архивной справки. Крымская конференция состоялась в период, когда в результате мощных наступательных ударов Красной Армии, перенесшей военные действия на германскую территорию и уже приближающейся к Берлину, война против гитлеровской Германии вступила в завершающую фазу.

Крымская конференция явилась одним из важнейших совещаний периода Второй мировой войны, на котором решили вопросы по окончательному разгрому вооруженных сил нацистской Германии, определили отношение к Германии после ее безоговорочной капитуляции и наметили основные принципы общей политики в отношении послевоенной организации мира.

Участники конференции договорились по следующим вопросам: разгром фашистской Германии, оккупация Германии и союзный контроль над ней; репарации с Германии; конференция Объединенных Наций; декларация об освобожденной Европе; о Польше и Югославии; совещание министров иностранных дел; единство в организации мира, как и в ведении войны.

Результаты Крымской конференции свидетельствовали о новых уступках Сталину со стороны Рузвельта. Западные исследователи не очень преувеличивали, когда сделали вывод: хозяин Кремля после встречи «Большой тройки» в Ялте не только укрепил свои позиции в Польше, но и получил контроль над Румынией, Венгрией, Болгарией, Югославией, Албанией, Чехословакией и значительной частью Германии. Сталин вновь выиграл партию в политические шахматы. И не столько потому, что пользовался подсказками таких гроссмейстеров разведывательных дел, как Гарольд (Ким) Филби, укрепивший свои позиции в разведке Великобритании, Дональд Маклин, служивший в английском посольстве в Соединенных Штатах и имевший возможность сообщать об англо-американских консультациях во время конференции, и Гай Берджесс из управления информации британского ведомства иностранных дел. Также использовал такие источники, как Олджер Хисс, заместитель директора отдела спе-

циальных политических операций государственного департамента США, входивший в состав американской делегации на Крымской конференции; и Гарри Декстер Уайт, высокопоставленный чиновник министерства финансов США, правая рука главы этого ведомства. Я специально называю здесь О. Хисса и Г.Д. Уайта «источниками», поскольку представители Службы внешней разведки Российской Федерации официально утверждают, что и тот и другой не числились агентами НКВД – КГБ. Однако многочисленные документы, введенные в научный оборот американской стороной, позволяют сделать вывод: от обоих высокопоставленных вашингтонских чиновников советские секретные службы получали важную информацию.

Мне кажется, что в данном случае значение получения политических сведений от спецслужб было преувеличено. Тут главным был настрой хозяина Белого дома. А он остался без изменения: надо уступать Сталину, тогда он уступит нам; так подлинная демократия придет в Советский Союз.

Главный советник Рузвельта в Тегеране и Ялте Гарри Гопкинс, оказывавший сильное влияние на президента, вспоминает, что в последний день Тегеранской конференции после обеда, вечером, хозяин Белого дома попрощался со Сталиным. В душе Рузвельт верил словам тегеранской декларации: «Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительно друзьями по духу и целям». И считал, что это не только слова.

С таким же настроением президент уезжал и из Крыма.

Это испугало противников Рузвельта в руководящих кругах Вашингтона. Смерть главы американской администрации наступила в апреле 1945 года, когда антигитлеровская коалиция готовилась отпраздновать не только победу над гитлеровской Германией, но и провести послевоенную встречу «Большой тройки» о переустройстве мира. Вполне возможно, что враги Рузвельта сделали все, чтобы президент в ней не участвовал.

В Соединенных Штатах все возможно. Вспомните судьбу трех других хозяев Белого дома: Авраама Линкольна, 16-го президента, павшего от руки наемного убийцы в 1865 году, Уильяма Мак-Кинли, 25-го президента, ставшего жертвой террориста в 1901 году, и Джона Фицджеральда Кеннеди, 35-го президента, убитого в 1963 году. Они тоже помешали кому-то.

Кому? Это – предмет другого расследования.

Отто Скорцени и диверсанты третьего рейха

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ РОЗЫСК ПРЕСТУПНИКА

Аресту подлежит

Отто СКОРЦЕНИ, скрывающийся под фамилиями:

Мюллер (1938 г., Вена),

Доктор Вольф (сентябрь – октябрь 1944 г., Германия и Венгрия),

Золяр (ноябрь – декабрь 1944 г., Германия и Бельгия),

Мистер Эйбл (1947 г., Исторический отдел американской секретной службы, город Нейштадт-на-Лане),

Рольф Штайнер (1950 г., Гамбург),

Пабло Лерно (1951 г., Швейцария, Италия, Франция),

Антонио Скорба (1954 – 1955 гг., Австрия),

Роберт Штайнбауэр (с 1951 г., Испания) – член нацистской партии с 1932 года (членский билет 1083671), член СС с 1934 года (эсэсовский номер 29579), сотрудник службы безопасности (СД), бывший военнопленный американской армии, военный преступник, разыскиваемый для предания суду согласно спискам военных преступников, представленным Чехословацкой Республикой, а также Комиссией Объединенных Наций по расследованию военных преступлений.

26 июля 1948 года совершил побег из лагеря для интернированных крупных нацистских преступников в городе Дармштадте.

Приметы

Возраст: 55 лет (родился 12 июня 1908 г. в Вене).

Рост: 196 см.

Телосложение: крупное, атлетическое; выправка спортивная, походка непринужденная.

Плечи: очень широкие, покатые.

Особенности лица: прямоугольное, лоб высокий, с тремя глубокими горизонтальными морщинами; на левой щеке и подбородке шрамы.

Цвет лица: сильный загар.

Волосы: темно-русые, подстрижены ежиком, надо лбом выдаются вперед, на висках торчат щеткообразно.

Усы: временами носит мушкой.

Глаза: серо-зеленые.

Нос: средней ширины; ноздри прямые, с горизонтальным основанием.

Уши: овальные, мочки висячие.

Подбородок: выдвинут вперед.

Зубы: передние вполне сохранились.

Рот: узкий, отчетливо виден шрам, идущий от левого угла к подбородку.

Речь: отрывистая; говорит по-немецки отлично, по-английски и по-испански с немецким акцентом.

Подлежит аресту за:

- соучастие в подделке и распространении фальшивых денежных знаков;
- изготовление подложных документов, свидетельств и паспортов, разбой и грабежи, вымогательство;
- членство в преступных организациях;

– государственную измену (1938 г., Австрия);
– организацию тайных союзов, военные преступления и преступления против человечности (истязание и убийство гражданских лиц, а также ограбления).

**ПРИ АРЕСТЕ СОБЛЮДАТЬ ОСОБУЮ ОСТОРОЖНОСТЬ!
ПРЕСТУПНИК ВООРУЖЕН!**

Так выглядел бы приказ об аресте Отто Скорцени – бывшего начальника военного отдела секретной службы СС, с 1943 года специального агента Гитлера. В 1948 году Скорцени при таинственных обстоятельствах скрылся из Западной Германии, избежав наказания за свои преступления и взяв затем в свои руки нити подпольной армии фашистских убийц и диверсантов, орудующей в государствах нескольких континентов.

Юлиус Мадер – автор книг «Серая рука» и «Убийцы в засаде» – шел по следам Скорцени и в этом документальном рассказе раскрывает одно за другим его преступления.

Черный Циклоп совершает побег

Ограждавшая лагерь колючая проволока осталась цела, не завывала сирена. И тем не менее Отто Скорцени, агент Гитлера по особым поручениям, тот самый, которого обергруппенфюрер¹ СС Эрнст Кальтенбруннер под занавес, когда уже рушился нацистский рейх, назначил начальником секретной военной службы СС, сбежал из Дармштадтского лагеря для интернированных нацистов. Сначала лагерная администрация не замечала или, вернее, замалчивала его побег, хотя соседи по лагерному барaku передали охране пожитки сбежавшего вместе с запиской, в которой он писал, что не намерен ждать приговора суда. Начальник лагерной администрации недоуменно разводил руками: ведь 26 июля 1948 года за этим верзилой Скорцени приехали трое солдат американской военной полиции и куда-то увезли его на машине!

Как ни старались скрыть побег гитлеровского Черного циклопа, слухи об этом проникли за лагерную ограду. Вскоре газета «Дармштадтер эхо» сообщила: «До сих пор не удалось установить лиц, причастных к этому побегу»².

Германская общественность забила тревогу. Побег оберштурмбаннфюрера СС Скорцени, исполосованная шрамами физиономия которого была слишком хорошо известна немцам, скрыть не удалось. Репортеры и корреспонденты атаковали официальные органы земли Гессен. Стараясь замять политический скандал, привлечший внимание всей мировой общественности, представитель гессенских властей, в ведении которых находился этот лагерь для крупных нацистов, подтвердил факт бегства Скорцени. Он заявил, что обвинительный акт денацификационного суда причисляет Скорцени к группе наиболее виновных нацистов. Дело будет рассмотрено и в отсутствие Скорцени, розыск которого уже объявлен³.

Таким образом, у беглеца оказалось в запасе двое суток. Несмотря на столь благоприятный фактор, шансы скрыться в то время были все же очень невелики, а для Скорцени – просто ничтожны: не так-то легко двухметровому верзиле стать незаметным, да к тому же с его неизгладимой приметой: рассеченной в студенческой стычке левой щекой. В довершение ко всему он покинул лагерь, не имея средств к существованию: всего за месяц до побега в Западной Германии была проведена сепаратная денежная реформа, и обзавестись сколько-нибудь значительной суммой при весьма небольшой квоте обмена наличных денег на одного человека почти не представлялось возможным.

Кроме того, любое передвижение немцев тогда строго контролировалось западными оккупационными властями, не говоря уже о проверке документов на дорогах и в поездах при следовании через зональные границы.

Итак, для человека, разыскиваемого западными оккупационными властями и филиалами их контрразведок совместно с немецкими полицейскими органами, возможность незаметно выбраться из Западной Германии была прямо-таки маловероятной.

И все же шефа эсэсовской армии диверсантов так и не удалось схватить. А впрочем, пытались ли действительно это сделать?

Посмотрим, однако, что представляет собой этот высокопоставленный «фюрер СС» с фамилией, звучащей не на немецкий манер.

¹ Для сопоставления приводится таблица примерного соответствия между эсэсовскими чинами и общеармейскими чинами гитлеровского вермахта: эсэсманн – рядовой; штурмманн – ефрейтор; ротенфюрер – обер-ефрейтор; унтершарфюрер – унтер-офицер; шарфюрер – унтер-фельдфебель; обершарфюрер – фельдфебель; гауптшарфюрер – оберфельдфебель; унтерштурмфюрер – лейтенант; оберштурмфюрер – обер-лейтенант; гауптштурмфюрер – капитан; штурмбаннфюрер – майор; оберштурмбаннфюрер – подполковник; штандартенфюрер (оберфюрер) – полковник; бригадефюрер – генерал-майор; группенфюрер – генерал-лейтенант; обергруппенфюрер – генерал пехоты и других родов войск; рейхсфюрер СС и начальник германской полиции – Гиммлер. – Прим. пер.

² Darmstadter Echo, 28/VII 1948.

³ Neue Zeit, Berlin, 28/VII 1948.

«Тотальная война» объявлена – час Скорцени пробил

Человек со шрамами получает задание «Совершенно секретно»

Берлин, февраль 1943 года. «Вы хотите тотальной войны?» – театрально потрясая вытянутой вперед правой рукой, выкрикнул колченогий Геббельс, и специально подобранная толпа исступленно завопила: «Да! Да!»

«Тотальная война»? Что это, собственно, значит? Вряд ли кто-либо из рядовых немцев имел ясное представление о ней. Может, она означает усиление фашистского террора в самой Германии и за ее пределами? Но ведь он и без того доведен до предела.

В то время положение на фронтах уже в корне изменилось. Исход войны предрешила битва у берегов Волги. Гитлеровский вермахт потерял сразу две армии – 300 тысяч пленными и убитыми. Совсем незадолго до того, как Геббельс провозгласил тотальную войну, в волжском «котле» капитулировали последние из уцелевших гитлеровских солдат. Советские войска перешли в мощное контрнаступление на фронте протяжением в полторы тысячи километров. К марту 1943 года на Восточном фронте уже нашли свою гибель 112 фашистских дивизий.

Воспользовавшись наступлением Советской армии, англо-американские войска высадились в Северной Африке и начали теснить германо-итальянский Африканский корпус Ромеля.

Пора «молниеносных побед» миновала навсегда. Для партнеров по «оси» наступил период военных поражений.

«Тотальная война» принесла немецкому народу новые мобилизации, принудительные повинности, бессмысленные потери. В военной промышленности рабочий день был удлинён до 12 часов и более. Поражения на полях сражений стали остро ощущаться и в самой Германии – они потрясли весь «тыловой фронт», как высокопарно называли тыл гитлеровцы.

В те дни Гитлер решил сделать основную ставку на эсэсовцев.

В руки возглавлявшего эту гитлеровскую лейб-гвардию рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера перешло теперь и министерство внутренних дел. Он заверил Гитлера, что истребит в зародыше малейшее антифашистское движение. Гиммлер не жалел энергии. К началу войны в Германии было 28 концентрационных лагерей. В 1944 году их стало уже 85. Но эсэсовцы хотели играть в фашистском государстве еще большую роль.

Они безудержно стремились стать мощной военной силой и располагать как можно большей властью. К моменту нападения гитлеровской Германии на Польшу СС располагали всего лишь одной дивизией. Оттеснив других приближенных Гитлера и став всемогущим человеком, Гиммлер задался целью довести численность эсэсовских войск до миллиона. Правда, даже он понимал, что и эти меры вряд ли окажут решающее воздействие на исход войны. Гораздо больше надежд Гиммлер возлагал на новые или усовершенствованные методы тотальной подрывной деятельности, которые должны были, по его уверениям, дать «чудодейственный эффект».

Вот почему Гиммлер решил назначить на пост начальника полиции безопасности и службы безопасности (СД) «свежего человека». На ком же он остановил свой выбор? То был славившийся своей жестокостью командующий СС района Верхнего Дуная Эрнст Кальтенбруннер. Вскоре этот эсэсовский вельможа, один из самых оголтелых приспешников фашистского варварства, водворился в Берлине, в Главном управлении имперской безопасности.

Наряду с гестапо Кальтенбруннеру подчинялась теперь и служба безопасности – широко разветвленная агентурная сеть нацистов как в самой Германии, так и за границей. Она не только теснейшим образом сотрудничала с отделом шпионажа и диверсий верховного коман-

дования вермахта, но и соперничала с ним, стремясь добиться у Гитлера монопольного положения.

Агентурный аппарат вермахта, его военная разведка (абвер), возглавлявшаяся адмиралом Вильгельмом Канарисом, к тому времени уже потерпела полный провал в борьбе против СССР. При разработке и осуществлении агрессивного плана «Барбаросса» Канарис смог предоставить лишь весьма незначительную и неточную шпионскую информацию, ибо его агентура неизменно обезвреживалась в Советском Союзе. Если в других странах Канарису и его абверу удавалось создать до нападения на них «пятую колонну», то в Советском Союзе все подобные попытки провалились.

Неудивительно, что адмирал медленно, но верно терял доверие Гитлера, чем и воспользовался Гиммлер, домогавшийся неограниченной власти и подчинения эсэсовцам всей разведывательно-диверсионной деятельности. При помощи диверсионного аппарата службы безопасности он намеревался изменить ход событий на фронтах и оказывать свое воздействие на внешнюю политику «тысячелетнего рейха».

«Совершенно секретно»

На тридцатый день после провозглашения «тотальной войны» в Главном управлении имперской безопасности появился долговязый человек со шрамами на лице: тридцатичетырехлетний гауптштурмфюрер СС Отто Скорцени приступил к своей новой, совершенно секретной деятельности шефа эсэсовских диверсантов. Перед ним раскрылись поистине неограниченные возможности. Кабинет его помещался в специально охранявшемся крыле здания, а все, чем он занимался, было покрыто тайной. Направляемые ему «секретные дела имперского значения» имели гриф: «Управление VI S». Лишь круг самых доверенных лиц из эсэсовской элиты знал, что скрывалось за этим шифром. Он означал: управление зарубежной разведки СД, отдел диверсий.

Кальтенбруннер лично инструктировал Скорцени; беседы их длились долгие часы. Задание, которое получил Скорцени, если свести его к краткой формуле, гласило: как можно быстрее создать «тотально» и «глобально» действующую секретную службу. «Тотально» – значило взрывы, поджоги, похищения людей, убийства, отравления, все без исключения виды диверсий. «Глобально» – значило организовать подрывную деятельность, охватывающую весь земной шар: вооружить против англичан горные племена в Иране и Индии; парализовать с помощью команд пловцов-диверсантов и водолазов («людей-лягушек») судоходство по Суэцкому каналу и нанести тем самым чувствительный удар по снабжению войск западных противников Германии; забросить шпионов в армии югославских и французских партизан, взорвать ряд военных предприятий в США; создать в Англии сеть тайных радиостанций для передачи важных шпионских данных; организовать боееспособную «пятую колонну» в Рио-де-Жанейро; собрать и тщательно зафиксировать в специальной картотеке сведения о слабостях и уязвимых местах видных политических и государственных деятелей всего мира, чтобы использовать эти данные в качестве основы для целой системы шантажа.

Главным направлением удара организаторы подрывной деятельности избрали Советский Союз. В Управлении имперской безопасности лихорадочно разрабатывались планы нападения на штабы советских армий, убийства видных партизанских командиров. Особое внимание там уделялось советской военной промышленности, сосредоточенной за Уральским хребтом. Недостижимая для фашистской авиации, она должна была служить главным объектом для эсэсовских диверсантов...

Короче говоря, неотвратимо следовавшие одно за другим военные поражения вермахта руководители Третьего рейха мыслили компенсировать широко организованной диверсионной войной, поистине безграничной в прямом и переносном смысле слова. Гитлеровцы надеялись

доведенной до совершенства системой всеобъемлющего террора, шпионажа и диверсий задержать закономерный ход мировой истории.

Скорцени обещали все, что ему потребуется. Начальник VI управления Главного управления имперской безопасности бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, которому Кальтенбруннер представил своего протеже Скорцени, впоследствии писал в своих мемуарах: «Если мой предшественник не имел права расходовать свыше 100 тысяч марок, то мне после восьмимесячной деятельности в VI управлении удалось добиться того, что сумма ассигнований возросла до нескольких миллионов, и даже получить полномочия в особых, санкционированных Гиммлером и Гитлером, случаях действовать вне всякого лимита. Таким образом, я сумел наконец, к нашему удовлетворению, устранить одно из наиболее узких мест секретной службы»⁴.

Итак, деньги полились на Скорцени дождем. Руководителю сектора диверсий предоставили полную свободу действий. От него требовали лишь одного – успехов.

⁴ Walter Schellenberg. Memoiren. Köln, 1959, S. 214.

Начало карьеры террориста

Не случайно выполнение важных политических и разведывательно-диверсионных заданий Кальтенбруннер поручил именно Скорцени. Кальтенбруннеру не понадобилось долго раздумывать: ведь своего австрийского земляка и собутыльника он знал больше пятнадцати лет. Позади было немало совместных попок и кутежей в пивнушках Вены. У обоих остались на физиономиях красноречивые следы пьяных драк и студенческих дуэлей: рубцы и шрамы – гордость каждого порядочного «бурша». Оба были членами «Академического легиона», куда допускались только избранные. Расистский бред и великогерманская амбиция – вот чем гордились члены этого реакционного студенческого «Добровольческого корпуса».

Еще тогда Кальтенбруннер познакомил молодого Скорцени с фюрером австрийских нацистов Артуром Зейсс-Инквартом. А летом 1932 года Скорцени слушал в Вене Йозефа Геббельса, который разглагольствовал о программе нацистской партии. Вербуя новых членов, колченогий во всеуслышание заявил, что цель нацистов – во что бы то ни стало добиться аншлюса – присоединения Австрии к Германии.

Скорцени откликнулся на призыв шефа гитлеровской пропаганды и официально стал кандидатом в члены нацистской партии. Это было нетрудно, поскольку за него поручился Кальтенбруннер. Двадцатичетырехлетний Скорцени проводил теперь вечера в узком кругу своих единомышленников. Скоро ему дали довольно ответственное поручение: вести подрывную пропаганду против австрийского государства в органе нацистской группы округа Веринг – газете «Национал-социалистише нахрихтен».

Нацисты в Австрии нагнали. Самые фанатичные, «абсолютно надежные», готовые на все образовали в стране вооруженное ядро – нацистскую «пятую колонну». Все они дали тайную эсэсовскую клятву. В феврале 1934 года Отто Скорцени приобщился к этому черному ордену, вступив в 89-й штандарт⁵ СС.

С приходом Гитлера к власти австрийские нацисты воспрянули духом.

Фюрер делал теперь в Австрии ставку на свои черные и коричневые колонны. Его «тройянский конь» стоял под самыми стенами всемирно известного венского собора Св. Стефана. Из Мюнхена в Вену перебрасывали огнестрельное оружие новейшего образца и прятали в тайники эсэсовских арсеналов.

В середине 1934 года Зейсс-Инкварт и его самые приближенные эсэсовские сообщники в дунайской столице Эрнст Кальтенбруннер и Одило Глобочник решили, что их час настал. Был отдан приказ, вскрыты тайники, где хранилось оружие, на рукавах появились повязки со свастикой. 89-й эсэсовский штандарт начал путч; участвовал в нем и Отто Скорцени.

В центре бурных событий оказалась резиденция федерального канцлера на площади Ам Бальхаузплац. И вот здесь-то Скорцени показал, что на него можно положиться, что он надежный участник эсэсовской акции.

Отряд заранее отобранных эсэсовцев, смяв охрану, ворвался в канцлерский дворец. Сраженный несколькими пулями, рухнул у своего письменного стола канцлер Энгельберт Дольфус. Пока убийцы действовали, Скорцени охранял их, стоя у ворот дворца.

Однако нацисты не достигли тогда своей цели: им не удалось присоединить Австрию к гитлеровской Германии. Гитлер так и не дождался в тот раз условленного обращения с призывом об аншлюсе. Австрийцы сумели восстановить порядок и обеспечить безопасность в своей стране. Нацистская партия была запрещена в Австрии. Эсэсовцы предпочли уйти в подполье. Те путчисты, которым грозила наибольшая кара, получили указание бежать к своим берлинским вдохновителям.

⁵ Полк. – Прим. пер.

А что стало со Скорцени? Из заговорщика-путчиста он в мгновение ока перевоплотился в счастливого молодого человека и с виду вполне благопристойного управляющего делами венской строительной фирмы. На его визитной карточке теперь значилось: дипломированный инженер.

Вряд ли можно подобрать более солидное занятие!

В последующие годы венские эсэсовцы в целях конспирации выдавали свои регулярные собрания то за собрание членов какого-нибудь частного кружка, то за союз с безобидным названием, например «Германский гимнастический союз». Однако занимались там не столько спортом, сколько учебными стрельбами. А потом этот «союз» начал устраивать и учебные военные походы. Во время одного из них в стрельбе из пистолета отличился известный нам «фюрер СС» Скорцени.

Итак, готовилось вооруженное выступление. Во имя какой же цели и против кого? Ответ последовал весной 1938 года.

Директивы из имперской канцелярии выполнены

Провокации в Австрии, направляемые и финансируемые из Берлина, не прекращались, хотя через два года после нацистского путча в Вене, 11 июля 1936 года, гитлеровское правительство заключило с австрийским правительством соглашение, статья 2-я которого гласила: «Каждое из обоих правительств рассматривает внутривнутриполитическое устройство другого государства, включая вопрос об австрийском национал-социализме, как собственное внутреннее дело этого государства, на которое оно не будет оказывать влияние ни прямо, ни косвенно». Гитлеровцы считали, что бумага все терпит.

Преемник Дольфуса на посту федерального канцлера христианский социалист Курт фон Шушниг под давлением масс был вынужден отдать под суд и наказать нескольких наиболее явных нацистских провокаторов. Однако ни один из них не выдал своих действительных вдохновителей.

К началу 1938 года аншлюс Австрии считался в Берлине делом вполне решенным. Гитлер стремился приобрести побольше «жизненного пространства». Стоявшие за его спиной монополистические группы жаждали завладеть австрийскими источниками сырья и промышленными предприятиями. Германский Рейхсбанк, возглавляемый Ялмаром Шахтом, рассчитывал захваченными австрийскими фондами валюты усилить финансирование программы вооружений. А германский генеральный штаб уже грезил наяву, как он пополняет вермахт новыми, хорошо обученными и вооруженными австрийскими дивизиями и окружает своими войсками Чехословакию.

Австрия должна была служить пробным камнем всей захватнической стратегии Гитлера. «Если я приму решение начать войну, – говорил он в узком кругу своих сообщников, – то, не объявляя войны, прикажу своим войскам вступить, к примеру, в Париж. Во французской военной форме они среди бела дня пройдут маршем по улицам. Никто им не помешает. Все предусмотрено до мелочей. Вот они уже у здания генерального штаба, занимают министерства, парламент. Не пройдет и нескольких минут, как Франция, Польша, Австрия, Чехословацкая Республика лишатся своих руководящих деятелей. Армии останутся без генерального штаба. Со всеми политическими лидерами будет покончено. Начнется невообразимая паника. Но я уже давно установил контакт с людьми, которые создадут новое правительство – такое, какое нужно мне. Мы найдем таких в каждой стране... Честолюбие и заблуждение, партийные распри и тщеславие погонят их к нам. Мы добьемся заключения мира до того, как начнем войну... Я гарантирую успех, ибо всегда удается то, что считается невероятным. Самое невозможное – самое надежное. Сегодня, господа, вы не верите этому, но я осуществляю это, шаг за шагом!»⁶

Итак, Гитлер готовился сделать первый шаг на этом пути, и роль первой жертвы предназначалась Австрии.

В середине февраля 1938 года Гитлер вызвал австрийского канцлера фон Шушнига в Берхтесгаден, в свою резиденцию «Бергхоф», и там подверг его «психологическому массажу». Гитлер выложил на стол свои карты, потребовав амнистии всем осужденным в Австрии нацистским террористам и назначения их лидера Зейсс-Инкварта австрийским министром внутренних дел и общественной безопасности с прямым подчинением ему всей полиции.

В случае отказа от принятия этой программы-минимум Гитлер грозил немедленной оккупацией Австрии. Шушниг уступил лишь частично. Возвратившись в Вену, он объявил, что сам австрийский народ путем плебисцита решит вопрос о независимости и будущем своей страны. Народное голосование было назначено на 13 марта 1938 года.

⁶ Hermann Rauschning. Gespräche mit Hitler. London, 1939, S. 17—18.

Нацисты в Берлине и Вене не сомневались в своем провале. Вот почему они решили, не дожидаясь результатов плебисцита, осуществить давно задуманную аннексию Австрии.

11 марта 1938 года заплывший жиром генерал-фельдмаршал Герман Геринг приказал немедленно соединить его по телефону с германским посольством в Вене. В 17 часов в Вене раздался звонок. К аппарату подошел нацистский дипломат Домбровски и, как и подобает исполнительному чиновнику, стал усердно записывать директивы путчистам.

Геринг диктует: «Кабинет должен быть вполне национал-социалистским... Кепплер привезет вам список лиц, которые должны войти в него...»

Все ясно: штандартенфюрер СС Вильгельм Кепплер под видом секретаря германского посольства везет в не подлежащем проверке дипломатическом багаже составленный в Берлине список членов австрийского правительства и прибудет в Вену с минуты на минуту. Но Герингу не терпится, и он считает нужным дать директивы устно:

– Да, вот что, чуть не забыл: Фишбеку, значит, отдайте торговлю и экономику. Ведомство безопасности – Кальтенбруннеру, а вооруженные силы (австрийские. – *Авт.*) – Бейру. Командование армией пусть сначала возьмет на себя сам Зейсс-Инкварт. Ну а юстицию – сами знаете кому.

– Да, – откликается из Вены Домбровски.

Геринг. Назовите фамилию!

Домбровски. Вашему родственнику⁷?

Геринг. Да.

Но тщательно разработанный Главным управлением имперской безопасности и верховным командованием вермахта план не учел одной детали: президент Австрии Вильгельм Миклас отказался утвердить нациста Зейсс-Инкварта федеральным канцлером. В 17 часов 30 минут Зейсс-Инкварт по телефону запросил у Геринга помощи.

Зейсс-Инкварт. Я предложил федеральному президенту передать мне пост канцлера, но дело это тянется вот уже часа три-четыре. Что касается партии (нацистской. – *Авт.*), то у нас еще нет возможности восстановить ее, но мы дали указание (австрийским. – *Авт.*) формированиям СА⁸ и СС взять на себя поддержание порядка.

Геринг. Теперь дело уже пошло, а потому прошу сейчас же потребовать от федерального президента немедленно передать вам власть и назначить вас федеральным канцлером и министром, как было сказано, т. е. вы должны быть и федеральным канцлером и командующим войсками... Срочно доложите о позиции Микласа. Скажите ему, что теперь нам не до шуток... И дайте национал-социалистам развернуться по всей стране. Пусть выйдут на улицы всюду... Если этот Миклас не одумался за четыре часа, придется ему образумиться за четыре минуты.

Зейсс-Инкварт (*подобострастно*). Вот это здорово!

Но ему так и не удалось на «законных основаниях» занять желанный пост федерального канцлера. Президент Миклас твердо стоял на своем.

Скорцени дебютирует

В 20.00 в трубке телефонного аппарата Геринга снова раздался хриплый голос Зейсс-Инкварта.

Геринг. Итак, они не назначили вас?..

Зейсс-Инкварт. Нет... Отказ, как и прежде.

Геринг (*брызжа слюной*). Ну что ж, хорошо, даю приказ начать вступление войск, и тут уж не зевайте – берите власть! Втолкните руководящим (австрийским. – *Авт.*) лицам то, что

⁷ Речь идет о докторе Франце Хюбере, муже Паулы Геринг.

⁸ Нацистские штурмовые отряды (аббревиатура от нем. *Sturmabteilungen*). – Прим. пер.

я вам сейчас скажу: каждый, кто попытается организовать сопротивление, немедленно будет предан нашему военно-полевому суду вступающих войск. Ясно?

Зейсс-Инкварт. Да!

Геринг. Включая всех руководящих лиц, какой бы пост они ни занимали... Все равно, хоть бы и самого федерального президента; ведь он не дал вам полномочий, а это тоже сопротивление!

Зейсс-Инкварт. А как же!

Геринг (*бесцеремонно обрывая разговор*). Хорошо, ну так вот, вы имеете на то официальное поручение. Всего доброго. Хайль Гитлер!⁹

Рецепт государственного переворота был дан. Ожидавший приказаний Кальтенбруннер немедленно получил от Зейсс-Инкварта приказ к выступлению.

Специально подобранные молодчики из мобильных команд СС щелкнули затворами. Бруно Вайс, официально именовавшийся руководителем венского «Гимнастического союза», а в действительности являвшийся унтерштурмфюрером 89-го штандарта СС, назначил Отто Скорцени командиром одной из таких команд. Ему было приказано схватить и изолировать от внешнего мира президента Микласа, а действовать он мог по своему усмотрению. Спустя несколько лет Скорцени записал в дневнике: «Я охотно предоставил себя в полное распоряжение...»¹⁰

Двадцать эсэсовцев под командой Скорцени вскочили на грузовик и с бешеной скоростью помчались вслед за его лимузином по узким улицам венского Старого города. Машины неслись к дворцу президента Австрии. Эсэсовский отряд, вооруженный револьверами и кастетами, набросился на охранявших дворец часовых гвардейского батальона и быстро смял их.

Скорцени устремился в вестибюль – к лестнице, покрытой заглушающими шаги толстыми коврами. Он уже хотел взбежать наверх, как раздался окрик: «Стой!» Путь ему преградила дворцовая стража во главе с молодым лейтенантом. Щелкнули затворы. Скорцени оглянулся и убедился, что бежавшие вслед за ним эсэсовцы вытащили оружие.

«Я послан новым правительством, – солгал Скорцени. – Немедленно проведите меня к президенту!» Лейтенант поверил и разрешил Скорцени с двумя эсэсовцами следовать за ним. Как только они вошли в приемную Микласа, Скорцени и его подручные разоружили офицера. Услышав шум, из кабинета вышел президент. Три политических гангстера заставили его подчиниться силе. Пока эсэсовцы держали схваченных под дулами пистолетов, Скорцени связался по телефону с Зейсс-Инквартом, доложил, что федеральный президент смещен, и просил прислать подкрепление.

Спустя каких-нибудь полчаса президентский дворец был окружен эсэсовцами.

Это была первая, но далеко не последняя операция Скорцени. В этот же день он со своими подручными прибыл к резиденции австрийского канцлера на площади Ам Бальхаузплац. Находившийся в здании Зейсс-Инкварт открыл боковые входы. В них, подобно черной волне, хлынули эсэсовцы. Федерального канцлера Шушнига постигла та же участь, что и президента: он был арестован и увезен. Президент Миклас исчез бесследно. Шушниг после многолетнего одиночного заключения был отправлен сначала в концентрационный лагерь Заксенхаузен, а затем, к концу войны, – в лагерь Флоссенбург.

В течение последующих часов все правительственные учреждения и важнейшие стратегические объекты перешли в руки эсэсовцев. На следующее утро в страну вторглись войска вермахта. Так было покончено с независимостью Австрии. Гитлеровский Третий рейх поглотил ее.

⁹ Сокращенный текст стенограммы телефонных переговоров заимствован из документа 2949Р, представленного на процессе главных нацистских преступников в Нюрнберге.

¹⁰ Otto Skorzeny. Geheimkommando Skorzeny. Hamburg, 1950, S. 13.

С первыми же частями вермахта в Вену прибыл Гиммлер. Гитлеровский террор впервые воцарился в столице иностранного государства. Штаб Кальтенбруннера руководил начавшимися арестами, которые осуществлялись по «черным спискам», предусмотрительно составленным заранее. Тюремные камеры были переполнены коммунистами, социал-демократами, монархистами, священниками, евреями... В гестаповских застенках начали истязать людей.

Один из главных участников ликвидации независимости Австрии – Скорцени был удостоен особой похвалы Кальтенбруннера. Так член «пятой колонны» гитлеровцев в Австрии превратился в крупного государственного изменника.

Операция «Красный петух»

В Главном управлении имперской безопасности в Берлине непрерывно работали телеграфные аппараты. Оттуда по всем направлениям посылались директивы. Дежурному офицеру гестапо в Вене было не до сна. Буква за буквой аппарат выбивал на ленте слова:

«СЕКРЕТНО.

ВСЕМ ОРГАНАМ И РУКОВОДЯЩИМ ИНСТАНЦИЯМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИЦИИ. СРОЧНО ВРУЧИТЬ НАСТОЯЩУЮ ТЕЛЕГРАММУ НАЧАЛЬНИКАМ ИЛИ ИХ ЗАМЕСТИТЕЛЯМ.

1. В БЛИЖАЙШИЕ ЧАСЫ ПО ВСЕЙ ГЕРМАНИИ СОСТОЯТСЯ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЕВРЕЕВ, ОСОБЕННО В ОТНОШЕНИИ СИНАГОГ. НЕ ПРЕПЯТСТВОВАТЬ.

2. ПРИ НАЛИЧИИ В СИНАГОГАХ ВАЖНОГО АРХИВНОГО МАТЕРИАЛА ОБЕСПЕЧИТЬ ЕГО СОХРАННОСТЬ ПРИНЯТИЕМ НЕМЕДЛЕННЫХ МЕР.

3. ПОДГОТОВИТЬ ПО ВСЕЙ ИМПЕРИИ АРЕСТ ПРИМЕРНО 20 – 30 ТЫСЯЧ ЕВРЕЕВ. ОТОБРАТЬ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ЗАЖИТОЧНЫХ. ДАЛЬНЕЙШИЕ УКАЗАНИЯ ПОСТУПАЮТ В ТЕЧЕНИЕ НОЧИ.

4. К ПРОВЕДЕНИЮ ОПЕРАЦИИ МОГУТ БЫТЬ ПРИВЛЕЧЕНЫ КАК ЧАСТИ СС ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ, ТАК И ОБЩИЕ СС.

НАЧАЛЬНИК II ОТДЕЛА ГЕСТАПО МЮЛЛЕР».

Дежурный гестаповец в Вене с телеграммой в руках исчез за обитой войлоком дверью, на которой висела табличка: «Отдел II».

Два часа спустя в Вене, в бывшем дворце бежавшего за границу банкира Ротшильда, где теперь разместилась штаб-квартира службы безопасности, состоялось совещание. Восемь человек в черной форме склонились над планом города. Кальтенбруннер пригласил сюда самых надежных своих подчиненных.

«Гауптшарфюреру Скорцени, – приказал Кальтенбруннер, – взять на себя третий район. Как решено, начнем завтра. Об исполнении доложить отделу II государственной тайной полиции. Прежде чем разойдемся, еще раз подчеркиваю: поработать как следует!»

Последним из салона вышел оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман – начальник специально созданного в Вене в августе 1938 года центрального бюро по осуществлению эмиграции евреев. Да, теперь, после этой «Хрустальной ночи»¹¹, организуемой во всем рейхе по приказу свыше, очереди перед зданием его бюро станут еще длиннее.

В следующую ночь во всех городах Германии и Австрии вспыхнули костры, запылали разгромленные синагоги, полетели камни в витрины магазинов, принадлежавших евреям.

¹¹ Под таким наименованием гитлеровцы осуществили в Германии и Австрии 9 ноября 1938 года крупнейшую погромную антисемитскую акцию. – Прим. пер.

Тысячи семей лишились кормильцев. Гитлеровцы ради потехи заставляли евреев чистить мостовые зубными щетками.

В третьем районе Вены, закреплённом за Скорцени, имелось пять синагог. Он приказал поджечь их. Эсэсовцы ворвались в синагоги. Драгоценные светильники исчезали в мешках, предусмотрительно захваченных погромщиками. Священные книги были облиты бензином. Пламя охватило стены разграбленных синагог. Жителям близлежащих кварталов было запрещено тушить пожары. Вот это и означало на эсэсовском жаргоне «Поработать как следует!».

Не успев стряхнуть пепел с волос, Скорцени отправил письменное донесение об исполнении приказа: ведь германская аккуратность требует, чтобы документация была в идеальном порядке!

Скорцени чувствовал себя героем. Верный «долгу» эсэсовца, он немало поспособствовал успеху этой антисемитской операции, об итогах которой двумя днями позже докладывал Герингу начальник полиции безопасности и службы безопасности бригадефюрер СС Рейнхард Гейдрих: «Подожжена 191 синагога, 76 полностью разрушены. Кроме того, сожжены 11 общинных домов, кладбищенских молелен и тому подобных заведений. Схвачено 20 000 евреев».

Гитлеровские приспешники позаботились и о своем личном обогащении. Вскоре они получили сребреники за совершенные гнусные дела. Разумеется, в числе тех избранных, кто нажился на них, оказался и Скорцени. Его сделали национал-социалистским руководителем венской строительной гильдии. В результате ему удалось без труда «ариезировать» предприятия, принадлежавшие евреям, и присоединить их к фирме своего тестя. Поскольку Скорцени пожелал зажить как подобает важной персоне, он присвоил себе роскошную виллу в 19-м районе Вены на Петер-Иорданштрассе, 37, а ее законный владелец-еврей исчез без следа.

В ярко освещенной вилле справляли оргии эсэсовские бонзы Вены и Зальцбурга, Мюнхена и Берлина.

Вскоре в один из весенних дней 1940 года Кальтенбруннер и Скорцени распрощались. Пути их временно разошлись.

Письмо бывшего Федерального канцлера Австрии Курта Шушнига автору книги

12 июля 1961 года

Глубокоуважаемый господин Мадер!

Отвечаю на Ваши вопросы.

Аресты, произведенные после 11 марта 1938 года в Вене, осуществлялись исключительно эсэсовцами.

По второму вопросу. О том, что моим арестом руководил инженер Скорцени, я впервые узнал только после войны. Во всяком случае, я не припоминаю, чтобы когда-нибудь встречался с ним. Очевидно, он был одним из влиятельных руководителей путча в Австрии. Обычно функционеры СС действовали анонимно либо называли себя «Мюллерами».

Официального ордера на мой арест не было предъявлено, условия жизни [в заключении] были хуже тюремных, обращение – недостойное, а любая жалоба – безнадежна. Отношение ко мне некоторых молодых эсэсовских офицеров нельзя охарактеризовать иначе как безобразное.

Численность отряда, который вечером 11 марта занял резиденцию федерального канцлера, точно указать не могу. В отряде насчитывалось приблизительно человек 200 в штатском; все они имели нарукавные повязки; оружие было спрятано под одеждой. Впустил их в здание Зейсс-Инкварт.

С исключительным уважением – Шуриниц.

Под эмблемой «Мертвой головы»

Танковые клинья рассекают Европу

Кальтенбруннер остался в Вене на посту верховного фюрера СС и полиции. Скорцени же решил отправиться на фронт.

К этому времени Германия захватила Польшу. Следующий удар Гитлер готовился нанести по соседним государствам на Западе. На этой стадии войны фронтовые соединения СС насчитывали около 20 тысяч человек. Опекаемая Геббельсом газета «Фёлькишер беобахтер» называла эти привилегированные эсэсовские войска «отборным человеческим материалом для выполнения особых заданий». Инспектором, а затем командиром дивизии СС «Дас Рейх» был назначен бригадефюрер СС Пауль Хауссер.

На полигоне эсэсовской казармы в Берлин-Лихтерфельде Скорцени обучили всему, чего ему еще не хватало для полного овладения ремеслом убийцы. А требовалось не так уж много. Уже через месяц Скорцени был произведен в унтершарфюреры этой отборной гитлеровской части и, полный радужных надежд, принял участие в походе на Францию.

10 мая 1940 года эсэсовцы на штыках гитлеровской армии перенесли свой хорошо отработанный внутри Германии террор в страны Западной Европы.

Где бы ни появлялись эти палачи в черной форме со зловещей эмблемой черепа, они несли с собой уничтожение людей, оккупационный произвол, приговоры военно-полевых судов, голод и нищету. Путь Скорцени по Бельгии и Франции был отмечен расстрелами и пытками.

Особенно свирепствовал человек со шрамами в Голландии. Его беспредельная жестокость вполне соответствовала характеристике, которую дал ему Кальтенбруннер в своем письме эсэсовскому генералу Хауссеру. Спустя каких-нибудь одиннадцать месяцев Скорцени получил погоны унтерштурмфюрера.

В апреле 1941 года гитлеровские танки ворвались в Югославию. Часть особого назначения, в которой служил Скорцени, бросили туда, где мужественные югославы оказывали упорное сопротивление количественно превосходившим силам агрессоров. Расправы над мирными жителями этой страны доставляли ему чертовское удовольствие! Садист по призванию получил новое повышение. Он стал оберштурмфюрером войск СС. Однако в Югославии Скорцени пробыл недолго. Вскоре его часть перебросили к границе СССР. Гитлер готовился осуществить план «Барбаросса».

«Через несколько недель мы устроим в Москве парад победы!» – этими словами бригадефюрер Хауссер закончил в полночь 21 июня 1941 года напыщенную речь к своим головорезам. Сначала он долго разглагольствовал об «исконном враге Германии – России», о «неполноценности» славян, а затем огласил приказ фюрера о нападении на Советский Союз. Собрание закончилось выкриками «Хайль Гитлер!».

Гитлеровская военная машина заработала на полную мощь. 190 дивизий – 70 процентов всех немцев, одетых в серо-зеленую и черную военную форму, двинулись на Восток.

Ворваться в Москву раньше всех других войск, вторгнувшихся в Советскую страну, было для эсэсовцев «делом чести».

Гитлеровская лейб-гвардия стремилась опередить остальные войска. Скорцени не знал ни сна, ни отдыха: ведь в перерывах между боями карательные команды эсэсовской дивизии «Дас Рейх» «очищали» тыл от коммунистов и евреев. Вряд ли забыл Скорцени небольшой русский городок, где были зверски убиты 922 советских гражданина: военнопленные, старики, женщины, дети. А там, где прошла дивизия «Дас Рейх», таких преступлений было совершено

немало. Всюду, где ступала нога эсэсовца, война была тотальной еще задолго до того, как Гейбельс дал ей это зловещее название.

Скорцени спасает свою шкуру

В начале 1943 года Кальтенбруннер приказал отделу личного состава СС разыскать своего собутыльника студенческих лет. Он думал, что Скорцени все еще на фронте, так как несколько недель назад получил от него письмо полевой почтой.

Однако Кальтенбруннер ошибся. В это время гауптштурмфюрер прохладился в одном из санаториев Южной Германии. У громилы вдруг оказалось что-то с желчным пузырем. Правда, врачи никак не могли обнаружить у «фронтового офицера» с устрашающими шрамами на лице и Железным крестом II степени на груди хотя бы малейшие признаки болезни. Но все-таки решили, что курс лечения ему не помешает.

Еще совсем недавно Скорцени рвался в Москву, а теперь он был рад, что с ним, как с ребенком, нянчатся медицинские сестры. Для радости у него были веские причины.

Напав на Советский Союз, Гитлер и верховное командование вермахта обломали зубы. Правда, на стороне агрессоров было преимущество внезапного нападения, но против них поднялся 200-миллионный народ огромной страны с территорией в 22 миллиона квадратных километров. Гитлеровские планы «блицкрига» против СССР оказались блефом.

Скорцени поневоле пришлось стать очевидцем краха мифа о непобедимости вермахта.

В декабре 1941 года немецко-фашистские войска, не считаясь с огромными потерями, подошли к советской столице. Дивизия СС «Дас Рейх» находилась всего в нескольких километрах от северо-западной окраины Москвы. Еще в августе эта дивизия потеряла в боях под Ельней почти половину личного состава. Теперь рвавшиеся вперед захватчики были остановлены железной рукой. Самые боеспособные, самые оснащенные и лучшие танковые корпуса гитлеровцев были разгромлены на снежных полях Подмосковья.

У Скорцени, хвалившегося, что он не знает страха, теперь тряслись поджилки. В своем дневнике, относящемся к тому времени, он писал: «...10.12.41. Скоро станет ясно и войскам: продвижение вперед закончено. Здесь наша наступательная сила иссякла. У соседней 10-й танковой дивизии осталась всего дюжина боеспособных танков»¹². Ни один эсэсовец, ни один немецкий солдат не вошли в Москву. Тысячи гитлеровцев погибли под советской столицей, сложив свои головы за интересы германских монополий и бредовые планы фюрера.

Когда звезда фашистских побед закатилась под Москвой, Скорцени вдруг охватил ужас. Об этом свидетельствует его дневник: «Поскольку похоронить своих убитых в насквозь промерзшей земле было невозможно, мы сложили трупы у церкви. Просто страшно было смотреть. Мороз сковал их руки и ноги, принявшие в агонии самые невероятные положения. Чтобы придать мертвецам столь часто описываемое выражение умиротворенности и покоя, якобы присущее им, пришлось выламывать суставы. Глаза мертвецов остекленело уставились в серое небо. Взорвав заряд тола, мы положили в образовавшуюся большую яму трупы погибших за последние день-два»¹³. Нет, Скорцени не прельщал такой конец: ему была слишком дорога собственная жизнь. А потому при первой же возможности человек со шрамами притворился больным, жалуюсь на свой желчный пузырь: ведь такое заболевание слишком трудно проверить во фронтовых условиях. Затем с санитарным эшелоном он отправился в глубокий тыл и очутился неподалеку от своего родного города Шламассель, куда так мечтал возвратиться.

Здесь его и разыскал Кальтенбруннер. Он предложил Скорцени более спокойную «работу» – стать шефом агентуры СС.

¹² Otto Skorzeny. Geheimkommando Skorzeny, S. 70—72.

¹³ Op. cit., S. 71.

Акционерное общество убийц

Школа диверсантов и убийц

Охотничий замок Фриденталь был когда-то окружен парком в английском стиле: высокая трава и густые заросли под сенью вековых деревьев. В последние недели войны англо-американские бомбардировщики мало что оставили и от парка, и от самого замка, как и от дома, когда-то предназначавшегося для прислуги. Глубокие, уже поросшие папоротником воронки, развалины кирпичных стен, остатки выкрашенных в серый цвет бараков. В цементированных подвалах бараков беспорядочно навалены ржавые трансмиссионные маховики. Густая паутина дополняет картину запустения. Вот и все, что осталось от нацистского гнезда, где вынашивались, пожалуй, самые гнусные замыслы гитлеровцев.

Ни один местный житель не знал, что, начиная с 1943 года, творилось в этом овечьем тайной замке, расположенном всего в пяти минутах ходьбы от Заксенхаузена. Старожилы еще припоминают: однажды из расположенного поблизости концлагеря сюда пригнали сотни узников. Днем и ночью, кладя камень за камнем, они воздвигали стену высотой в три метра. Эсэсовцам казалось, что заключенные работают недостаточно быстро. Сыпались удары бичом. Истощенных до предела работой заменяли более сильными. Колючая проволока с пропущенным по ней током довершила полную изоляцию обширной территории замка от внешнего мира.

Затем появились первые эсэсовские охранники со своими волкодавами, приученными бросаться на людей. По всей округе установили щиты с предостерегающими надписями. Наглухо закрытые грузовики и черные лимузины один за другим исчезали за массивными воротами. Здесь ничто не менялось, за исключением стражи.

Гауптштурмфюрер СС Скорцени не случайно избрал именно это место для своей базы. Расположенное в часе автомобильной езды от Главного управления имперской безопасности, оно благодаря своей уединенности и разнообразному рельефу местности было идеальным для обучения того специального подразделения, которое скрывалось под наименованием «Специальные курсы особого назначения Ораниенбург». «Слушатели», носившие преимущественно штатскую одежду, покидали изолированную территорию только ночью и следовали строжайшему приказу не задерживаться в пути.

Убийство как учебный предмет

В замке Фриденталь обосновались диверсанты из разных стран. Интенсивные усилия обитателей замка были направлены на разработку методов уничтожения людей. Здесь были не только немцы. Царский аристократ, эмигрировавший из России после Октябрьской революции, тщательно изучал военную форму и знаки различия Советской армии. Выделенные в особую группу американцы немецкого происхождения осваивали последнюю модель взрывателей с часовым механизмом. «Фольксдойче»¹⁴ из Румынии часами упражнялись в овладении приемами удушения людей. Украинские националисты изучали шифровальное дело и различные коды.

Каждый из обучавшихся был обязан уметь с закрытыми глазами разобрать и собрать английский или советский автомат. Специально готовившиеся диверсанты-подводники (их

¹⁴ Так, по нацистской терминологии, именовались немцы, проживавшие на территории иностранных государств. – Прим. пер.

здесь называли «человек-лягушка») ныряли с моторной лодки в протекавший поблизости канал Одер – Хафель.

Здесь обучали различным приемам бесшумного «устранения» людей: душисть, отравлять, владеть ножом. В число обязательных дисциплин входили такие, как тренировка в прыжках с парашютом, применение подводных мин для потопления судов и обращение с пластической взрывчаткой.

Скорцени заботился и о дрессировке своих питомцев в духе нацистской идеологии. Ведь они предназначались для нанесения удара в спину народам, которые вели борьбу против фашизма.

Положение на фронтах день ото дня становилось для гитлеровской Германии и ее вассалов все бесперспективнее. Но для людей из Фриденшталя не существовало понятия «слишком поздно». Диверсанты, которых муштровал Скорцени, должны были продлить агонию Германии Гитлера. Покидая замок, они получали задания взрывать и убивать, сеять повсюду панику, подкупать путчиков, создавать подрывные организации. Подводные лодки и самолеты дальнего радиуса действия (из специально находившейся в боевой готовности 200-й эскадрильи бомбардировщиков) доставляли обитателей замка Фриденшталя в самые различные уголки земного шара.

Скорцени делал все, чтобы обезопасить своих агентов. Им присваивали новые имена и фамилии – обычные для той страны, где им предстояло действовать. Их снабжали безупречно изготовленными фальшивыми документами. Они должны были знать назубок свою вымышленную биографию.

Патроны, которыми наделяли этих шпионов и диверсантов, хранились в металлических ящиках с изображением черепа на черном фоне. Скорцени получал их из оружейно-технического экспериментального отдела СС, размещавшегося неподалеку от концлагеря Заксенхаузен. Они были отравлены. Начальник службы боевого снабжения агентов Скорцени испытал на заключенных Заксенхаузена их действие. В качестве «объектов для эксперимента» эсэсовский медик Гейнц Баумкёттер¹⁵ (с 1943 по 1945 год он был главным врачом этого концлагеря) отобрал четырех узников – советских и польских граждан. На эсэсовском стрельбище заключенных заставили лечь на землю, а потом нанесли им несколько ранений отравленными пулями. Через несколько минут зрачки жертв неестественно расширились, наступили страшные конвульсии, и вскоре Баумкёттер небрежно констатировал: «Exitus»¹⁶. Трупы были переданы эсэсовским эскулапам для анатомирования.

После этого чудовищного эксперимента в строгой тайне началось серийное производство созданных по требованию Скорцени отравленных боеприпасов.

Скорцени не считал даже нужным скрывать от агентов, что их ждет, если при осуществлении своих злодейских планов они будут схвачены войсками или населением стран антигитлеровской коалиции. На сей случай он рекомендовал им собственноручно выправить себе визу в потусторонний мир. Директива Гимmlера была предельно ясна: «Ни один человек из службы безопасности не имеет права попасть живым в руки противника!» Эсэсовские агенты были обязаны унести с собой в могилу тайны Гимmlера, Кальтенбруннера и Скорцени, а потому каждому из них вручалась смертельная доза цианистого калия. Капсулу с ядом можно было спрятать в зажигалке, печатке на кольце, зашить в обшлаг рукава или в подкладку шапки. Безотказность действия яда гарантировал Баумкёттер, испробовавший его на узниках Заксенхаузена, прежде чем отправить в вотчину Скорцени – Фриденшталя.

¹⁵ За свои преступления против человечности Баумкёттер в 1947 году был осужден на процессе по делу эсэсовцев из концлагеря Заксенхаузен к пожизненному заключению. В 1956 году он был передан боннским властям и сразу же выпущен ими на свободу.

¹⁶ «Смерть» (лат.), см. «Protokoll des Sachsenhausen-Prozesses», Bd. II, S. 101.

Поточное производство фальшивых денег

Агенты Скорцени отправлялись в путь не с пустыми руками. Поскольку согласно директивам Гиммлера им предстояло завербовать, обучить и возглавить целые подпольные армии, их обеспечивали и деньгами.

Золото и банкноты были той приманкой, на которую нацисты рассчитывали больше всего, когда период побед гитлеровской армии уже миновал. Нацисты решили, что презренный металл окажется привлекательнее их демагогии, – это вполне отвечало мышлению фашистских варваров, находившихся на содержании у магнатов германской индустрии. Почему же не приобрести за деньги шпионов, вредителей, диверсантов и путчиков?

Но финансовые возможности фашистской Германии, блокированной государствами антигитлеровской коалиции, были подорваны. Основная масса германского экспорта в результате войны сократилась, внешнеторговые связи замерли, валютные фонды оказались почти исчерпаны, а марка за пределами Германии уже почти не котировалась. Фашистская Германия лишилась иностранных кредитов. Строго ограниченные остатки валюты использовались главным образом для ввоза стратегического сырья через некоторые нейтральные государства.

Гитлеровская секретная служба нашла выход. Она совместно с верхушкой Рейхсбанка и ведущих монополистических групп разработала преступный план массовой подделки иностранных банкнот. При помощи этого плана она рассчитывала достигнуть сразу нескольких подрывных целей.

Во-первых, изготовленная в Германии фальшивая иностранная валюта позволяла производить за рубежом закупки сырья и материалов, необходимых для ведения войны. Кстати, «ценным опытом» в этом отношении располагал Ялмар Шахт – президент гитлеровского Рейхс-банка, а в то время имперский министр. Еще в период Первой мировой войны он, будучи банковским экспертом, скупил в Бельгии на фальшивые деньги крупные партии товаров.

Во-вторых, ловкое введение в оборот достаточно большого количества фальшивых банкнот того или иного государства расшатывало его экономику, подрывало международный авторитет, способствовало тому, что среди населения возникали антиправительственные настроения, – словом, этому государству наносился тяжелейший ущерб.

В-третьих, поставив на широкую ногу изготовление фальшивых денег других государств, Гитлер и Гиммлер намеревались усилить финансирование нацистских агентов и возглавлявшейся ими «пятой колонны» в различных странах. Идея эта была не нова: еще летом 1918 года контрреволюционные банды, действовавшие на территории Советской России, располагали миллионами рублей фальшивых денег, отпечатанных в одной из берлинских тайных типографий. Но фашизм не просто воспользовался прежними проектами и опытом, а захотел организовать это дело на более высоком уровне. Операция с фальшивыми деньгами тоже служила «шахматным ходом» в той тотальной войне, которую гитлеровцы провозгласили в 1943 году.

Как будущий оптовый потребитель фальшивых денег, Отто Скорцени вскоре же после перехода на службу в Главное управление имперской безопасности познакомился с начальником эсэсовского центра по их изготовлению. Это был оберштурмбаннфюрер СС Бернхард Крюгер. Этот человек с уголовным прошлым возглавлял в VI управлении группу «Технические вспомогательные средства».

С Крюгером Скорцени тесно сотрудничал и раньше, поскольку тот снабжал агентов СД подложными документами. В Берлине, в здании на Дельбрюкштрассе, где обосновалась группа Крюгера, горами лежали образцы – документы из всех стран мира: паспорта убитых евреев, красноармейские книжки, удостоверения личности британских и американских солдат, итальянские отпускные удостоверения, южноафриканские выписки о рождении, свидетельства о благонадежности, выданные японской полицией, пропуска в вашингтонский Пентагон...

Даже Скорцени – доверенному лицу начальника VI управления бригадефюрера СС Шелленберга – было разрешено заглянуть в крюгеровское святая святых только после того, как с него взяли подписку о хранении тайны. Это была самая крупная в истории человечества акция по изготовлению фальшивых денег. Она началась еще в 1940 году под кодовым наименованием «Операция «Андреас». Первоначально СД сконцентрировала свои усилия на подделке фунтов стерлингов; их можно было сравнительно легко обменивать на подлинные в нейтральных странах и в британских колониях. Фунтом стерлингов можно было оперировать в Европе, Африке, Америке и Австралии.

Однако потребовалось больше двух с половиной лет, прежде чем эсэсовские фальшивомонетчики смогли печатать поразительно похожие на настоящие банкноты достоинством в пять, десять, двадцать, пятьдесят, а потом даже в пятьсот и тысячу фунтов стерлингов. Но эсэсовцам приходилось шаг за шагом решать целый узел проблем. Бумага, на которой печатались фальшивые деньги, должна была точно соответствовать по фактуре оригиналу, надо было добиться, чтобы клише и печать не отличались от него ни рисунком, ни цветовыми оттенками, чтобы номера серий, хотя и заранее рассчитанные, более или менее совпадали с подлинными, а даты выпуска и подписи в максимальной мере соответствовали настоящим. И наконец, требовалось создать широко разветвленную, охватывающую добрую дюжину государств, законспирированную во всех своих звеньях организацию по распространению фальшивых банкнот.

Летом 1943 года, когда Скорцени близко познакомился с деятельностью центра фальшивомонетчиков, здесь уже каждый месяц упаковывали в пачки сотни тысяч поддельных фунтов стерлингов. Серийное производство осуществлялось под строго секретным кодовым наименованием «Операция «Бернхард» (по имени Крюгера).

К середине 1943 года в концентрационном лагере Заксенхаузен оборудовали ультрасовременными машинами два барака: № 18 и № 19. Обитателей этих барачков наглухо изолировали от всех внешних контактов оградой из колючей проволоки и многочисленной охраной. Здесь подневольно трудились сто тридцать заключенных. Они изготавливали бумагу для поддельных денег, печатали их, потом специально загрязняли свеженькие банкноты так, чтобы те походили на побывавшие в употреблении, и связывали в пачки, предварительно перемешав номера серий. И так изо дня в день. Стоило узнику из этой команды заболеть, его немедленно отправляли в крематорий. Бараки 18-й и 19-й в то время покидали только ящики с фальшивыми деньгами, лица с особыми удостоверениями или мертвецы.

Гауптштурмфюрер Скорцени проявлял особый интерес к производству Крюгера. Для засланных в США агентов ему были нужны доллары. Нельзя ли организовать и их подделку? Крюгер посвятил Скорцени в тайну: он уже занят сейчас и этим, но мешает многое, и не в последнюю очередь – усиливавшиеся налеты англо-американской авиации на Берлин. Тогда Скорцени предложил: пусть граверы, работающие над клише фальшивых денег, а также и все занятые изготовлением подложных документов переберутся вместе со своим сложным оборудованием к нему во Фриденталь. Босс фальшивомонетчиков одобрил это предложение: Фриденталь, по мнению Крюгера, был местом для этой цели идеальным. Скорцени гарантировал изоляцию от внешнего мира, чего трудно было добиться в таком оживленном городе, как Берлин. Фриденталь пока еще не подвергался бомбежкам. Сюда можно было быстро добраться из Берлина на автомобиле, а деньги могли бы печатать в непосредственной близости – в концлагере Заксенхаузен. От взаимного обмена опытом между фальшивомонетчиками и агентами СД дело могло только выиграть.

Так Скорцени стал одним из главных действующих лиц «Операции Бернхард».

Муссолини свергнут

Гитлеровский штаб все еще отчаянно искал новые методы и средства, дабы вновь захватить в свои руки утерянную инициативу на фронтах, а между тем в лагере итальянского партнера по «оси» произошли неожиданные события.

Итальянцы видели, что разгромленному под Москвой и на Волге германскому агрессору теперь оставалось только одно: спасаться бегством.

В середине мая 1943 года пришлось капитулировать остаткам итальянской армии в Африке. В города и деревни Италии непрерывным потоком текли извещения о гибели солдат и офицеров на далеких от родины фронтах. Десятки тысяч семей оплакивали близких. Англо-американская авиация превратила в развалины центр Милана. Бомбы не пощадили и Вечный город – Рим. Война, развязанная Гитлером при активном участии Италии, теперь гигантскими шагами приближалась к ней самой.

В первой декаде июля 1943 года англичане и американцы высадились на острове Сицилия. Все свидетельствовало о том, что вскоре они предпримут наступление на континентальную Италию. Итальянский народ устал от войны, ему осточертел несущий разорение фашизм, более того, он был готов выступить против чернорубашечников.

Даже в «Большом совете» – руководящем центре чернорубашечников Муссолини – царили разногласия насчет дальнейшей политики. Правящая верхушка Италии непрерывно ощущала растущее недовольство народа фашистским режимом дуче. Она пришла к убеждению, что оградить Италию от дальнейших последствий войны можно только одним способом – сбросить Бенито Муссолини с кресла премьер-министра.

25 июля 1943 года, когда Муссолини прибыл в королевский дворец, офицеры королевской гвардии арестовали его. Было провозглашено новое правительство. Оно обещало итальянцам скорейшее окончание войны, к которому стремился народ. Маршал Пьетро Бадольо, которого король назначил новым премьер-министром, призвал соотечественников разоружить фашистов.

Не прошло и нескольких часов, как итальянцы разоружили фашистскую полицию. Лейб-гвардия Муссолини – целая дивизия – даже пальцем не шевельнула ради спасения своего дуче, – она тоже сложила оружие, причем это было германское оружие самого современного образца. Бадольо вступил в официальные переговоры с англичанами и американцами о заключении перемирия с Италией.

Между тем Муссолини получил у охранявших его королевских карабинеров бумагу и ручку. Он попытался примазаться к маршалу Бадольо, которого в свое время назначил верховным комиссаром Восточной Африки и генерал-губернатором Ливии. 26 июля 1943 года он писал Бадольо: «Заверяю вас, маршал Бадольо, что, ценя совместно проделанную нами в былые времена работу, я со своей стороны не только не создам ни малейших трудностей, но и буду готов к любому возможному сотрудничеству».

Однако англо-американское командование в качестве предварительного условия для переговоров о перемирии настаивало на строгой изоляции Муссолини и последующей выдаче его странам антигитлеровской коалиции. Поэтому в целях предосторожности Бадольо неоднократно приказывал переводить Муссолини из одного места заключения в другое. Сначала дуче был помещен под охраной на корвет «Персефоне», который был превращен в плавучую тюрьму. Потом тайными местами его заключения стали Понтийские острова и Ла-Маддалена. Под конец Муссолини поместили в уединенном туристском отеле «Кампо императоре», расположенном в труднодоступном горном массиве Гран-Сассо (район Абруццо). Добраться туда можно было только по подвесной дороге. Фашистского дуче охраняли двести карабинеров.

Ответственность за охрану Муссолини была возложена на бывшего инспектора тайной полиции Полито.

«Mani in alto!»¹⁷

Смена правительства в Италии вызвала в гитлеровской ставке шок. Разваливался Южный фронт, считавшийся до этого вполне надежным. Сообщения из Рима следовали одно за другим. Они свидетельствовали о намерении Италии капитулировать.

Гитлеровцы наскребли несколько дивизий и стали спешно перебрасывать их на юг. Они рассчитывали с их помощью оккупировать промышленные районы Северной Италии с целью заставить своего бывшего союзника продолжать войну.

Гиммлер и на этот раз не сумел верно оценить ситуацию. Он отдал приказ осуществить секретную операцию «Алларих»: молниеносно арестовать в Риме королевскую семью, маршала Бадольо и кучку изменивших дуче высокопоставленных лиц, чтобы вернуть власть итальянским фашистам. Но нереальность этого плана стала ясна очень скоро.

26 июля 1943 года – на второй день после ареста Муссолини – гауптштурмфюрер СС Отто Скорцени был срочно вызван в «Волчье логово»¹⁸ к Гитлеру.

– У меня есть для вас важное задание, – обратился Гитлер к Скорцени. – Муссолини, мой друг и наш верный боевой союзник, вчера арестован королем. Его надо немедленно спасти, иначе его выдадут союзникам. Поручаю вам эту операцию, имеющую важное значение для дальнейшего ведения войны. Но самое главное – хранить это задание в полной тайне. Знать о нем могут только пять человек, включая вас. Итак, повторяю: вы лично отвечаете мне за строжайшее сохранение тайны!

Скорцени привычно вытянул руки по швам:

– Все ясно, мой фюрер, не пожалею сил!

Так было положено начало операции, которую эсэсовской секретной службе предстояло провести под кодовым наименованием «Дуб».

Вскоре гитлеровская служба безопасности напала на след оказавшегося не у дел итальянского диктатора. Сделать это было не так уж сложно. Сотрудники секретной службы Муссолини десяток лет дружески работали рука об руку с гестапо и германской службой безопасности. Хотя теперь они на время и исчезли с поверхности, однако по-прежнему располагали конспиративными агентурными источниками и перекрестными связями с новой военной полицией. К тому же фунты стерлингов, обещанные в вознаграждение, придали энергии итальянским шпикам. Чтобы получить сведения о местонахождении арестованного Муссолини, эсэсовской секретной службе пришлось раскошелиться на 50 тысяч фунтов стерлингов – разумеется, фальшивых! Ввиду ожидавшейся англо-американской оккупации фунты стерлингов котирировались тогда в Италии высоко: они считались надежной валютой.

Командующий парашютным корпусом генерал Штудент вместе с особым уполномоченным Гитлера Скорцени разработал в своем штабе детальный план похищения Муссолини.

С одного из германских аэродромов в Южной Франции специально вызвали 12 грузовых планеров типа «DFS-230»¹⁹. Они предназначались для высадки десанта прямо в горах, так как иначе пришлось бы сначала захватить в долине станцию подвесной дороги, а сделать это быстро и незаметно было едва ли возможно. Каждый из этих легких по конструкции планеров

¹⁷ «Руки вверх!» (итал.)

¹⁸ «Волчье логово» («Die Wolfsschanze») – условное наименование ставки Гитлера, находившейся в районе города Растенбург в Восточной Пруссии. – Прим. пер.

¹⁹ Грузовые планеры этого типа, предназначенные для использования в диверсионных целях и заброски агентов, были специально сконструированы и испытаны на экспериментальной базе планеризма в Айнринге. Этим исследовательским институтом руководил профессор, доктор инженерных наук Вальтер Георгии.

мог поднять 9 человек в полном боевом снаряжении. Диверсионная команда состояла из 90 парашютистов; с ними летели 16 вышколенных во Фриденале эсэсовцев во главе с самим Скорцени. В операции принял участие итальянский генерал Солетти: он еще не успел перейти на службу к Бадольо. После высадки Солетти был обязан приказать командиру карабинеров немедленно сложить оружие. Скорцени дал генералу ясно понять, что тому не поздоровится, если с головы Муссолини упадет хоть один волос.

Операция началась вылетом с аэродрома Пратика де Маре. Уже на старте два тяжело нагруженных планера опрокинулись. Группа диверсантов под командованием Скорцени предусмотрительно стартовала по заранее составленному графику лишь пятой и шестой. Погода испортилась. В пути рухнули на землю еще два планера. Планер Скорцени первым вполне благополучно достиг вершины Абруццо.

Охрана Муссолини оказалась застигнутой врасплох. Из приземлявшихся один за другим планеров незнакомой конструкции и лишенных каких-либо опознавательных знаков выскакивали вооруженные до зубов люди. Определить, кто они, по их военной форме было невозможно. По круглым стальным каскам парашютистов карабинеры решили, что это англичане или американцы, прибывшие забрать Муссолини. Еще сильнее ввели охрану в заблуждение приказания – их, обливаясь холодным потом, выкрикивал генерал Солетти, – и поэтому она не сделала ни единого выстрела. А ведь чего было легче, засев в массивном здании, перестрелять десантников, пока те с трудом высаживались из большей частью неудачно севших планеров и приближались с большого расстояния. Но охрана Муссолини гостеприимно распахнула перед ними двери. Тем неуместнее ей показался тевтонский рык долговязого детины с лицом, испосованным шрамами: «Mani in alto! Mani in alto!» Команда «Руки вверх!» была единственной итальянской фразой, которую заучил Скорцени, прежде чем отправиться выкрасть Муссолини.

Ворвавшись в здание, Скорцени бросился к радию и разбил передатчик прикладом автомата. Обезоружить охрану он предоставил подоспевшим парашютистам. Подталкивая обалдевшего карабинера стволом автомата, Скорцени приказал провести себя к Муссолини. Тем временем остальная группа блокировала все входы и выходы из отеля. Встав перед Муссолини навтыжку, Скорцени отрывистыми, рублеными фразами доложил, что послан Гитлером освободить его. Двести карабинеров, как им было приказано, собрались на лугу перед отелем. А чуть поодаль громоздились центнеры пластической взрывчатки, станковые пулеметы и ящики с боеприпасами, выгруженные командой Скорцени, чтобы отбить Муссолини.

Скорцени позаботился о том, чтобы все выглядело как можно воинственнее. Ему хотелось не просто доставить Муссолини Гитлеру, а при помощи инсценированных боевых эпизодов произвести на фюрера впечатление настоящего героя. Поэтому он специально захватил с собой эсэсовского военного корреспондента, который, не жалея киноплёнки, заснял головорезов в надлежащем виде.

Вскоре Скорцени получил радиogramму, что расположенная в долине станция фуникулера захвачена, а предназначенный для отправки Муссолини самолет «физелер шторм» вскоре прибывает. Однако в связи с трудностями взлета с горного луга, покрытого крупными валунами, самолет мог взять на борт всего двух человек. Скорцени приказал пилоту лететь втроем. Перегруженная машина едва набрала высоту в разреженном горном воздухе и лишь с огромным усилием легла на курс.

Около полуночи германское радио несколько раз объявило о предстоящем важном сообщении. «Ставка фюрера, – прочитал затем диктор, – сообщает: германские парашютные войска, служба безопасности и войска СС под командованием одного венского командира СС осуществили сегодня операцию по освобождению дуче, захваченного в плен кликой изменников. Внезапный налет увенчался успехом. Операция стоила больших потерь. Дуче находится на свободе». Зазвучали фанфары.

Имя Скорцени пока еще не было названо. Секретная служба предпочитала хранить его в тайне. В сообщении говорилось о «больших потерях», однако умалчивалось о том, что операция «Дуб» стоила жизни тридцати одному парашютисту и пилоту, а 16 человек получили тяжелые увечья, хотя не раздалось ни одного автоматного выстрела!

А результат этой бессмысленной операции? Гитлеру был преподнесен политический труп дуче.

Большая шумиха

Скорцени лично доставил Муссолини в растенбургскую штаб-квартиру фюрера. «Этой услуги я никогда не забуду!» – обещал ему Гитлер.

Геринг, Кейтель, Гиммлер и Геббельс тоже поспешили поздравить эсэсовца. А затем на Скорцени излился щедрый поток повышений, наград и подарков. Гитлер тут же произвел его в штурмбаннфюреры СС и лично повесил на шею Рыцарский крест. Не остался в долгу и Муссолини: он пожаловал своему спасителю фашистский орден «Ста мушкетеров»; правда, пока он смог только пообещать эту награду. Геринг снял со своего парадного белого мундира «Золотой почетный знак летчика» и приколот его на грудь героя. Из Северной Италии пришла телеграмма: бригадефюрер СС Хауссер почитал за честь преподнести своему бывшему подчиненному реквизированный у итальянцев спортивный автомобиль новейшей модели.

Гитлер и Геббельс просмотрели привезенный Скорцени фильм о похищении Муссолини. Колченогий давно искал средство хотя бы временно рассеять подавленное настроение немцев, вынужденных проводить дни и ночи в бомбоубежищах. «Подвиг» Скорцени дал ему возможность поднять вокруг героя пропагандистскую шумиху.

Статс-секретарь геббельсовского министерства Вернер Науман немедленно получил задание использовать все средства пропаганды, чтобы примером Скорцени вдохновить немцев повсюду: на фронтах, непрерывно приближавшихся к границам Германии, в цехах военных заводов или в рушащихся бомбоубежищах.

Толчок этой пропагандистской кампании дал официоз нацистской партии газета «Фёлькишер беобахтер». Один из ее ведущих журналистов, Роберт Крётц, 17 сентября 1943 года посвятил прославлению освободителя дуче почти целую полосу газеты.

Нет нужды подробно пересказывать эти басни, но остановиться на заключительной части писаний Крётца, где он дает характеристику Скорцени, все же стоит. «Всю свою жизнь, – захлебываясь от восторга, писал Крётц, – он был политиком и солдатом. Еще на школьной скамье он стал членом «Германского союза», который в 1922 году выступил под черно-бело-красным флагом²⁰. Будучи студентом, он прошел подготовку в штирийском добровольческом корпусе и молодым буршем приобщился к национал-социалистскому мировоззрению... Из добровольческого корпуса он в дальнейшем перешел в СС и в качестве, так сказать, своей дипломной работы, положившей начало его теперешнему мастерству, арестовал в 1938 году австрийского федерального президента, которого бдительно охраняла гвардейская рота».

Скорцени улыбался с киноэкранов, на собраниях «Гитлеровской молодежи» не смолкали рассказы о его карьере террориста, в «Союзе германских девушек» двухметрового атланта превозносили как идола германской расы. На эсэсовском небосклоне внезапно возшла новая звезда.

Что же принесло Италии спасение Муссолини? Новые ужасы и невероятные страдания – оккупацию значительной части страны. Гитлер создал в Северной Италии правительство во главе с дуче. Оно официально обратилось к нацистской Германии с просьбой о военной помощи.

²⁰ Флаг Германской империи. – Прим. пер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.